

Дата выхода: 14 октября 2022 г.

**Электронный
научно-образовательный журнал
«ГРАНИ ПОЗНАНИЯ»**

№ 4(81) 2022

Учредитель:

**Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Волгоградский государственный социально-педагогический университет»**

**Свидетельство о регистрации Эл № ФС77-31054 от 01 февраля 2008 года,
зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере массовых коммуникаций, связи
и охраны культурного наследия**

ISSN: 2588-0365

Редакционная коллегия:

Коротков А.М. – главный редактор

Штыров А.В. – заместитель главного редактора

Караваева А.С. – редактор

Стиридонова О.И. – дизайнер

grani@vspu.ru

8 (8442) 60-28-88

СОДЕРЖАНИЕ

III Всероссийская конференция «Современные инновации, тенденции, проблемы в области экономики и управления»

АРАПОВА Г.В. Логические ошибки в процессе построения вывода при принятии решения экономическим агентом 3

Биологические науки

СУПРУН Н.А. Методы изучения популяций редких видов рода *Hedysarum* L. 9

Педагогические науки

БУДАРИНА Ж.С., КОЖЕВНИКОВА Е.Д. Эффективное формирование социокультурной компетенции в обучении китайскому языку (на материале социальной рекламы) 15

Филологические науки

КРАВЦОВА А.В., ОБЪЕДКОВА А.В. Особенности номинации священных существ в мифах древнего Китая 20

РЯБЦЕВА Н.Е. Рецепция мифа о «вечном возвращении» в поэзии Инны Лиснянской: к вопросу о художественном своеобразии исторического пространства 25

ТИТАРЕНКО Н.В. Специфика применения трансформаций в грамматике при переводе кинотекста с испанского языка на русский (на примере фильма П. Альмодовара «Джульетта») 31

**III Всероссийская конференция
«Современные инновации, тенденции, проблемы в области экономики и управления»**

УДК 164.3

Г.В. АРАПОВА
(Москва)

**ЛОГИЧЕСКИЕ ОШИБКИ В ПРОЦЕССЕ ПОСТРОЕНИЯ ВЫВОДА
ПРИ ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИМ АГЕНТОМ**

Рассматривается проблема влияния когнитивных факторов на процесс принятия решений экономическими агентами. В результате сравнительного анализа понятий рационального, экономического и эпистемического агентов, делается вывод о слишком узком их понимании и предлагается классификация агентов по степени рациональности. Обсуждается проблемная ситуация принятия решения с системными логическими ошибками.

Ключевые слова: ограниченная рациональность, рациональный агент, экономический агент, логика знания, контексты знания, эпистемический агент.

GALINA ARAPOVA
(Moscow)

**LOGICAL ERRORS IN THE PROCESS OF CONCLUDING
WHILE MAKING DECISIONS BY AN ECONOMIC AGENT**

The article deals with the issue of the influence of the cognitive factors on the process of making decisions by the economic agents. In the result of the comparative analysis of the concepts of the rational, economic and epistemic agents there is concluded about their narrow view and there is suggested the classification of the agents by the degree of rationality. The author discusses the problem situation of making decisions with the system logical errors.

Key words: bounded rationality, rational agent, economic agent, logic of knowledge, contexts of knowledge, epistemic agent.

В когнитивных науках используются различные термины для идеализации агентов, действующих в своих интересах и принимающих решения в различных обстоятельствах. В поле зрения данного исследования три понятия – три идеализации: рациональный агент, экономический агент и эпистемический агент. Целью работы является определение отношения между различными психологически, экономическими и логическими концепциями описания агентов, принимающих решения. Дело в том, что идеализации агентов, принимающих решения, неизбежно подразумевают их исключительную рациональность, логическое всеведение (исключительные способности строить все логические следствия корректно). Они не учитывают влияние таких факторов, как наличие/отсутствие достаточного времени для построения вывода, отвлекающие, интуитивные, ценностные, культурные аспекты, а также склонность допускать логические ошибки. Целью когнитивных исследований, которые инициируются этой работой, является определение границ рациональности (иррациональности) агента, принимающего решения.

Под экономическим агентом будем понимать лицо, принимающее решение в *реалистичных* условиях. Выбор, осуществляемый экономическим агентом, является результатом процессов взаимодействия психологических, культурных, социальных, ментальных, политических, когнитивных и др. факторов [3]. Когнитивные факторы – знание/незнание, мыслительные усилия, наличие времени на построение вывода, владение навыками построения выводов. Термин экономический агент прини-

мается в наиболее широкой трактовке, ближе к понятию экономического человека, но т. к. под экономическим агентом могут пониматься не только люди, компании, организации, но и компьютерные программы, использование понятия человек будет неуместным.

Рациональный агент – это агент, действующий оптимальным для достижения наилучшего ожидаемого результата образом [5]. Понятие рационального агента используется в различных когнитивных науках, а в частности в психологии, логике и экономике. Понятие рационального агента в экономике определяется как лицо, действующее с целью извлечения максимальной выгоды в процессе деятельности, связанной с экономическими решениями разного типа (от приобретения товаров на рынке или азартной игры до управления финансовыми компаниями). В экономике прошлого века был выработан принцип рациональности [2], т. е. предполагалось, что экономический агент в ситуации выбора будет всегда действовать с расчётом получения максимальной выгоды для себя, т. е. как рациональный агент. Подобная идеализация экономического агента была подвергнута критике в работах психологов, нобелевских лауреатов по экономике Даниэля Канемана и Амоса Тверски [4].

В своих работах они обосновывают идею ограниченной рациональности в процессе принятия решений. Под процессом принятия решений понимается последовательность действий агента, ориентированных на решение проблем и включающих анализ ситуаций, генерацию альтернатив, принятие решений и организацию их исполнения. Было обнаружено наличие систематических когнитивных искажений в оценке риска и возможной выгоды. Одной из причин такого искажения является наличие быстро всплывающего интуитивного ответа, которое сбивает агента и заставляет принять то решение, которое менее энергозатратно. Такие быстрые решения объясняются наличием двух систем реагирования: системой 1 и системой 2. Система 1 – это система быстрого реагирования, интуитивное решение. Так, например, люди, владеющие навыком чтения, автоматически считывают написанные слова, быстрее, чем определяют цвет объекта. Система 2 – медленная система, подключается тогда, когда система 1 не находит решения и/или требуется большее сосредоточение. Однако как раз мгновенно срабатывающая система 1 препятствует подключению системы 2, т. к. ответ уже присутствует.

Помимо когнитивных факторов существенными могут оказаться и другие факторы. Рациональный агент должен был бы, если он руководствуется выгодой, выбрать тот товар, который обладает большей функциональностью, качеством и прочими положительными для агента характеристиками за меньшую цену. Однако в определенный момент экономический агент может отказаться от такого выбора в пользу менее выгодного, основываясь на каких-либо нематериальных ценностях (защита животных, сохранение окружающей среды, аморальные поступки производителя или продавца). Таким образом, понятия рационального и экономического агента расходятся в своей трактовке, и понятие экономического агента начинает трактоваться шире, т. к. экономический агент может обладать разной степенью рациональности в процессе принятия решений.

Агент знания (эпистемический агент) в логике является идеализацией лица, строящего выводы на основании ограниченных ресурсов информации, но, как правило, обладающий всеми логическими инструментами для построения вывода – чисто рациональный, вне психологических, культурных или ценностных влияний. Эпистемический агент понимается как лицо, принимающее решения исходя из имеющегося знания/незнания и владения/невладения законами логики, при этом рациональность выводов рассматривается вне экономического контекста, а шире, т. е. выводы во всех видах контекстов. Основным требованием к эпистемическому агенту является требование рациональности, поэтому в большинстве логических систем обладает логическим всеведением, а любые попытки построить логическую систему с реалистичным агентом знания с ограниченной рациональностью сталкиваются с неразрешимыми в логике препятствиями. Парадокс логического всеведения связан с тем, что логика не может вводить в систему психологические характеристики человека в связи с тем, что они не являются предметом исследования логики.

Проблема в том, что если мы решим ограничить количество логических правил, которыми владеет агент, то не ясно, какие это должны быть правила, почему одни, а не другие. Если же мы допустим,

что агент *нарушает* какие-то логические правила, то он будет строить такие описания событий, которые будут содержать противоречия, то есть будут являться невозможными с точки зрения логики, так называемыми, невозможными возможными событиями. В связи с тем, что знание агента ограничено, множество возможных вариантов описания мира оказывается более развёрнутым, т. к. описание событий, которые имели место в действительности, мы имеем лишь одно описание, а если вы не знаете каких-то событий, то вы получаете не одно описание, а целое множество различных вариантов описания событий. Так, например, если мы знаем, что в черном ящике серый кот, то у нас одно описание, если же мы не знаем какого цвета кот в черном ящике, то у нас появляется целое множество альтернативных описаний, в каждом из которых кот имеет какой-то отличный цвет, включая и тот, который есть в действительности.

Если агент является рациональным, то не зависимо от объёма знания, он может применять все правила логики. Тогда, даже если знания его и ограничены, но он владеет всем логическим аппаратом, знание, которое он получит исходя из ограниченного знания, всё равно будет нереалистичным, так он сможет сделать все логические выводы из него.

Итак, если мы ограничим способность агента строить выводы, то каких когнитивных способностей мы должны его лишить, какие правила вывода оставить, а какие убрать. И остаётся непонятным, какому реальному человеку, компьютеру или системе это будет соответствовать. Таким образом, логика сталкивается с противоречивыми требованиями, т. к. агент должен быть и рациональным, принимать все возможные решения, но и быть реалистичным, а значит обладать ограниченной рациональностью.

Исследования в логике, аналогичные проведенным психологами относительно систематических ошибок под влиянием психологических когнитивных факторов, помогут выявить класс систематических логических ошибок, что позволит строить системы исчисления описывающее человека или машины, обладающие такими характеристиками.

Далее рассмотрим логические проблемы ограниченной рациональности экономических агентов. Для этого необходимо предварительно определить виды систематических логических ошибок, а также их причины. Выделим для начала три вида подходов к пониманию экономического агента, которые будут определяться по отношению к идеализациям рационального и эпистемического агента.

1. Рациональный экономический агент – полная идеализация, агент, принимающий решения основываясь хоть и на неполном знании, но на логическом всеведении.

2. Иррациональный экономический агент. Открытие нерациональных факторов, влияющих на принятие решения, с одной стороны, позволяет нам реалистично оценивать поведение человека в процессе принятия экономических решений, однако оно же приводит и к тому, что человек понимается как совершенно иррациональное существо, которое не ориентируется в окружающей действительности, не может принимать важных решений. Складывается пессимистичный взгляд, который приводит к обывательскому релятивизму (всё относительно, истины нет) и к агностицизму (мы ничего не знаем и не можем принимать рациональных решений, т. к. последствия полностью непредсказуемы для нас). Однако, возможно, изучая мыслительные процессы человека, исследователи излишне концентрируются на ошибках, т. к. они раскрывают неожиданные стороны природы человека, что делает эти теории невероятно популярными, но при этом они не раскрывают всей сложности процесса принятия решения. Как говорит Канеман в одном из своих выступлений, набор переменных всегда победит человека, просто потому что на последнего всегда действует огромный спектр факторов, которые не поддаются учёту [1].

3. Реалистичный экономический агент. Действительно ли экономический агент иррационален, возможно ли, чтобы логические правила совсем не влияли на процесс принятия решений. В пользу концепции иррациональности экономического агента выступают не только психологические исследования, но и исследования в логике, которые показывают, что люди не рассуждают в соответствии с правилами логики. Так, например, люди склонны воспринимать рассуждение как логически правиль-

ное, если заключение является истинным в простом категорическом силлогизме, т. е. агенты склонны путать истинность и логическую правильность. Например, в силлогизме:

Все планеты вращаются вокруг своей оси.

Марс вращается вокруг своей оси.

Следовательно, Марс – планета.

и посылки, и заключение являются истинными суждениями, хотя вывод построен некорректно, тем не менее многие респонденты считают этот силлогизм правильным.

В логике решение проблемы «излишней» рациональности агентов возможно за счёт введения ограничивающих элементов: 1) временное ограничение, одно решение за один момент времени; 2) осознание (awareness) исходного знания, т. к. есть неявное знание, из которого агент не способен строить выводы; 3) мыслительная активность, трудно регистрируемый фактор, однако можно зафиксировать, например, в подробном отчёте о действиях; 4) владение логическими правилами вывода.

Основной аргумент в пользу разработки концепции реалистичного экономического агента – это неконструктивность концепции иррациональности. Допустив, что человек не может действовать как рациональный агент, нам придётся отказаться от многих привычных нам в обществе вещей: моральной ответственности, правовой ответственности, тогда как сама проблема ещё не исчерпала себя и не изучена должным образом.

Для определения границ рациональности нам потребуется изучить особенности и причины систематических логических ошибок. Систематическими логическими ошибками будем называть такие ошибки, которые допускаются большинством респондентов в сериях тестов.

На начальном этапе исследования было предложено выделить четыре вида системных ошибок.

1. Замещение правильности на истинность (если истинное заключение, то и вывод правильный). Само разграничение правильности и истинности является сложным для понимания, т. к. мы не можем указать в одном рассуждении непосредственно, где «содержится» логическая правильность, и чем она отличается от истинности. Практически найдётся небольшое количество людей способных определить понятие логической правильности, если они не изучили курс логики.

2. Сложные выводы, связанные с причинно-следственными отношениями, где проверка требует знания о том, что отрицание основания ничего не говорит о следствии. Сложность заключается в том, что ошибка не выявляется наглядными примерами, перебором вариантов, а подбор контрпримеров занимает слишком много времени. Также усложняется ситуация тем, что формулировка рассуждения обладает некоторым сходством с выводом *modus tollens*, который является правильным выводом, и отличается лишь положением антецедента (основания) и консеквента (следствия).

3. Дифференциация знания и мнения. Люди часто путают то, что является знанием и мнением, однако не в тех случаях, когда существует явное указание на мнение. Наличие терминов: полагает, думает, считает, кажется, предполагает, позволяет делать вполне достоверные выводы.

4. Популярная индукция. Если посылок недостаточно для построения вывода, агент будет склонен выбрать решение оказавшись под давлением обстоятельств, необходимостью принять решение, тогда как логически просчитать правильность решения не представляется возможным. Для проверки этого предположения необходимо экспериментальное подтверждение, тестирования недостаточно, т. к. необходимо не только построить вывод, но и на его основании производить некоторые действия.

Для проверки случаев с выводами по второму и третьему типу предлагается тестирование респондентов. Испытуемым было предложено выбрать один из трёх вариантов ответов в четырёх заданиях.

В первом вопросе предложен метод рассуждения *modus tollens* – рассуждение от противного (латинское “*modus tollendo tollens*” означает «путь исключения исключением»), отрицая следствие мы отрицаем причину.

Во втором вопросе предложен неправильный способ рассуждения – из отрицания антецедента не следует отрицания консеквента, а значит, вывод построить нельзя, и знание отсутствует. Однако эта ошибка является типичной.

В третьем предложен вывод на основании не знания, а предположения, но если посылка является предположением, мнением, то и вывод является лишь предположением, а не знанием.

В четвертом задании предложен вывод по типу *modus ponens*, который, как правило, интуитивно прозрачен, однако добавлена отвлекающая фраза «вчера мне не хватало денег на покупку» и временной аспект «вчера – сегодня».

Тестовое задание.

1. Если цена опустится, то мне хватит денег на покупку. Мне не хватило,
 - a. значит, цена не опустилась;
 - b. значит, цена опустилась;
 - c. мы не знаем, опустилась цена или нет.
2. Если цена опустится, то мне хватит на покупку. Цена не опустилась,
 - a. значит, мне не хватит;
 - b. значит, мне хватит;
 - c. мы не знаем, хватит или нет.
3. Сейчас мне не хватает денег для покупки. По телевизору высказали предположение, что цена опустится.
 - a. значит, мне хватит;
 - b. значит, мне не хватит;
 - c. мы не знаем, хватит или нет.
4. Если цена опустится, то мне хватит денег на покупку. Вчера мне не хватало денег для покупки. Сегодня цена опустилась.
 - a. значит, мне сегодня хватит;
 - b. значит, мне сегодня не хватит;
 - c. мы не знаем, хватит сегодня или нет.

В результате тестирования было выявлено, что из 30 респондентов:

1. на первый вопрос правильно ответили 25;
2. на второй вопрос правильно ответили только 5;
3. на третий вопрос правильно ответили 23;
4. на четвертый вопрос правильно ответили 19.

Пробное полевое тестирование данных заданий на 30 респондентах позволяет нам заметить, что наличие слова «предположение» делает вывод тривиальным, и большинство респондентов справляется с третьим заданием. Большинство респондентов также справляются с заданиями по типу *modus tollens* и *modus ponens*. Во втором же задании большинство ответов строится так, как если бы вывод был таким же, как и первый и респонденты, хотя и испытывают сомнения всё же выбирают неверный ответ, причём подавляющим большинством – 25 респондентов. При этом респонденты, выбирающие правильный ответ «не знаем», тем не менее неверно аргументируют свой выбор, ссылаясь на недостаточность информации во всех заданиях, а не только в этом, не замечая разницы между заданиями № 1, 4 с правильными логическими формами, и № 2, где вывод невозможен в силу логической формы.

Дальнейшие исследования позволят нам получить более точное представление о степени рациональности действующих экономических агентов. Необходимо построить развёрнутую систематизацию подобных ошибок с целью дальнейшего изучения «трудных проблем» в процессе принятия решений. Несмотря на то, что ошибки по типу задания № 2 могут показаться незначимыми для процессов принятия решения экономическими агентами, стоит задуматься, как агенты будут принимать решения в других подобных ситуациях. Подобная логическая форма выводов присутствует во многих рассуждениях и инструкциях в разных областях знания, например: (1) «Если видишь красный сигнал, остановись» (стоит ли идти, если нет красного сигнала); (2) «Если Сидоров является юридическим лицом, то он обязан платить налоги» (если Сидоров не юридическое лицо, то он не должен платить налоги).

Проблема систематических логических ошибок в процессе принятия решений должна быть изучена и следует искать способы устранения, предотвращения подобных ошибок. Следует также изучить вопрос о том, как влияет изучение логики на процесс принятия решения экономическими агентами. Предлагается проведение дальнейших дифференцированных исследований для сравнительного анализа результатов тех, кто изучал логику, и тех, кто не изучал. Предварительные результаты проведенного тестирования позволяют предположить, что изучение логики улучшает результаты. Изучение логики как дисциплины в школе и вузе является важным элементом образования, тем не менее прослеживается тенденция к сокращению преподавания логики, что непременно скажется на общем уровне специалистов в различных областях в будущем.

Литература

1. Канеман Д. *Думай медленно... Решай быстро*. М.: АСТ, 2014.
2. Капелюшников Р.И. Статус принципа рациональности в экономической теории: прошлое и настоящее // Журнал новой экономической ассоциации. 2017. № 1(33). С. 162–166.
3. Сергеев А.Л. «Экономический человек» и «экономический агент» в теории рационального выбора // Финансы и кредит. 2006. № 10. С. 51–57.
4. Kahneman Daniel *Maps of bounded rationality: a perspective on intuitive judgment and choice* // Prize Lecture. December 8, 2002. Princeton University: Department of Psychology, Princeton, USA.
5. Russell S.J., Norvig P. *Artificial Intelligence: A Modern Approach*, Upper Saddle River. New Jersey: Prentice Hall, 2003.

Биологические науки

УДК 581.52

Н.А. СУПРУН

(Волгоград)

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОПУЛЯЦИЙ РЕДКИХ ВИДОВ РОДА HEDYSARUM L.

Представлены основные способы, методы и методика комплексного изучения популяций редких видов растений рода Hedysarum L. Изученные морфологические признаки, популяционная, онтогенетическая и генетическая структура популяций у видов копеечников секции Multicaulia подсекции Subacaulia дают представление общей картины состояния популяций видов Hedysarum.

Ключевые слова: Hedysarum, популяция, метод, онтогенетическая структура, пространственная структура, виталитет, жизненная стратегия, антропогенные факторы, редкие виды, Волгоградская область.

NATALYA SUPRUN

(Volgograd)

STUDY METHODS OF POPULATIONS OF THE RARE SPECIES OF HEDYSARUM L.

The article deals with the basic ways, methods and methodology of the complex study of the population of the rare species of the plants of Hedysarum L. The studied morphological characteristics, the population, ontogenetic and genetic structure of the populations of Hedysarum L. (the section Multicaulia, the subsection Subacaulia) give the representation of the state of the population of Hedysarum L.

Key words: Hedysarum, population, method, ontogenetic structure, space structure, vitality, viable strategy, anthropogenic factors, rare species, the Volgograd region.

Одной из задач охраны редких видов растений считается научная. Аспекты, используемые для внесения видов в Красную книгу и присвоения ему охранного статуса, нередко спорны, или статус видов не просто квалифицировать по причине отсутствия определенных данных. В международной Красной книге МСОП (International Union for Conservation of Nature and Natural Resources, IUCN) две категории называются: Сведения недостаточны (Data Deficient, DD) и Неисследованный (Not Evaluated, NE) [32].

Нередко для свойства редкости применяются следующие характеристики популяции видов: объем, численность, специфика местопроизрастания, локальное богатство, конкурентоспособность. Как биосистема надорганизменного значения популяция владеет качествами, которые не свойственны для отдельных организмов предоставленного вида, такими, как количество, плотность, возрастная, половая и пространственная структуры [23]. В случае если для зоологических исследований методы были классическими, то для сосудистых растений, тем более редких в настоящее время этих данных накоплено недостаточно. Близкую к реальности оценки устойчивого существования вида, определяется комплексным показателем у популяций, который не ограничивается определением количества особей, но и исследование плотности популяции, и характер размещения особей, и изучения генетической, онтогенетической и виталитетной структуры популяций.

В целом, исследования редких видов растений не стандартизированы. Практика природоохранной работы еще далека от эталона. Создание резерватов и интродукция редких видов растений несут опасность генетическому обилию охраняемых видов и изменению течения их эволюции. Отсутствуют единые аспекты охраняемых видов растений. Сравнение Красных книг различных регионов РФ [11–15] демонстрирует несовпадение раскладов к внесению в них видов в данных регионах. Красные книги –

это только инвентаризационные бумаги, не имеющие данных о механизмах выживания популяций и перечней угроз. При несогласованности принятых в Красных книгах стереотипов, эти издания отображают динамику редких видов в составе флоры мира и регионов. Международные программы занимаются разработкой массовых типовых стратегий сохранения редких растений. Нет единых рецептов, – для любого вида и региона надо находить уникальные региональные решения.

Виды рода *Hedysarum* (Fabaceae Lindl.), sect. *Multicaulia* стали объектом данного исследования. Материал был получен из Волгоградской, Саратовской, Воронежской, Самарской, Ростовской, Оренбургской и Белгородской областей, Ставропольского и Краснодарского краев, Республики Башкортостан, а также Украины, Казахстана, Таджикистана, Кыргызстана и Туркменистана [18–20].

Морфологические признаки различных элементов околоцветника проведены с точностью $\pm 0,5$ мм. Минимальные, средние и максимальные показатели определялись у каждого количественного признака. Статистический анализ внутри- и межпопуляционной изменчивости морфологических признаков выполнен методами дисперсионного, дискриминантного и кластерного анализа с применением программ PAST [28] и STATISTICA 6.0 for Windows [31]. Пример полученного результата представлен на рис. 1.

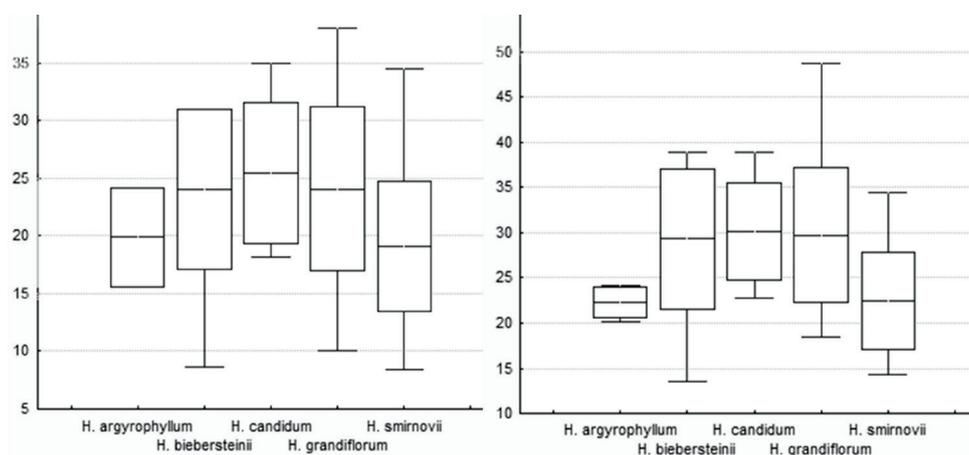

Рис. 1. Высота генеративного побега

А – Минимальные значения признака (различия не достоверны)

Б – Максимальные значения признака

(различия достоверны для *H. argyrophyllum* и *H. candidum*)

Методики изучения и исследования редких видов растений – это пути и способы изучения различных экологических явлений. Комплекс конкретных способов изучения дает собой методику изучения. В зависимости от объектов экологии и целей изучения пользуются те или же иные способы.

В Российской Федерации одним из показателей уязвимости вида считается условие существования онтогенетической (возрастной) структуры популяции. Как и основная масса природных данных, оно варьирует под действием стрессовых ситуаций. В не очень благоприятных условиях существования увеличивается количество прегенеративных особей (возрастом от прорастания семени до первого цветения), что показывает на замедление темпа онтогенеза. При антропогенных нарушениях популяция оказывается регрессивной и неполночленной, правосторонний (преобладание особей старческого, постгенеративного периода) онтогенетический спектр.

Не менее важен количественный анализ виталитета, т. е. степени процветания или угнетения популяций. Снижение доли растений с хорошей продукцией и репродукцией является надежным свидетельством стресса. Динамику онтогенетической структуры популяций *H. grandiflorum* и *H. cretaceum*

на территории Волгоградской области изучали в природных популяциях в течение 5–8 лет, где каждая ценопопуляция проходила этапы сукцессионного развития: становление, процветание и угасание, которым соответствуют три типа популяций: инвазионный (внедряющийся), нормальный и регрессивный (стареющий) [16–17].

Первостепенное значение для изучения редких видов растений имеют полевые исследования, т. е. изучение популяций видов и их сообществ в естественной обстановке, непосредственно в природе. Полевые методы позволяют установить результат влияния на организм или популяцию определенного комплекса экологических факторов и выяснить общую картину развития и жизнедеятельности вида в конкретных условиях.

При полевых исследованиях использовался метод заложения пробных площадок размером 2 м x 2 м [17, 22–25]. В местах произрастания видов площадки располагали регулярно, в виде трансект, состоящих из пробных площадок выбранного размера, расположенных по одной линии на равных расстояниях друг от друга; или случайно-регулярно – площадки закладывали случайным образом по всей территории популяции, но, по возможности, на равных расстояниях друг от друга

Для стабильного существования вида важен размер популяции. Попытки найти критическую численность не привели к какому-либо единообразному результату. В разных случаях критическими величинами назывались 25, 50, 100, 500 особей – эти величины отличались на несколько порядков. Для характеристики особей, составляющих популяцию, используется понятие «онтогенетический возраст» или «онтогенетическое состояние» [21], определяемое на основе различных морфо-биологических критериев. Онтогенетический спектр популяции, выражающий в процентах соотношение особей всех онтогенетических групп, отражает ее неоднородность [7–9].

Все возрастные спектры копеечников относились к правостороннему типу и имели максимум на молодых генеративных, генеративных и зрелых генеративных особях (рис. 2–3).

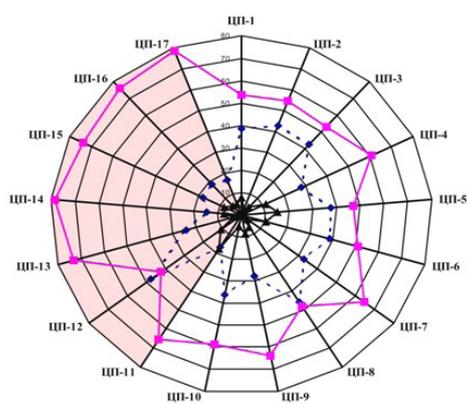

Рис. 2. Соотношение онтогенетических периодов в исследуемых популяциях *N. grandiflorum*

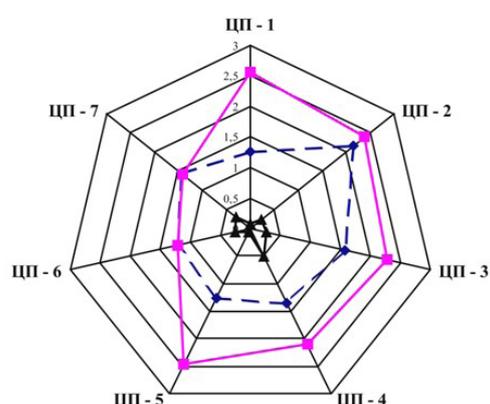

Рис. 3. Соотношение особей разных онтогенетических состояний в исследованных популяциях *N. cretaceum*

Возрастная структура популяций представляет собой результат внутривидового распределения особей. По преобладанию той или иной возрастной группы в спектре можно судить об успешности и устойчивости данной популяции в составе сообщества или о критических моментах в её развитии [9].

Изменчивость онтогенетического спектра ЦП нами рассматривалась с применением следующих показателей:

- **Индекс возрастности** (Δ). Он оценивает онтогенетический уровень популяции в каждый момент времени и дает реальное представление о вкладе каждой онтогенетической группы в общую возрастность популяции. Он изменяется от 0 до 1, и чем он выше, тем старше данная популяция [21].
- **Коэффициент возрастности** (Δ) показывает, что чем выше доля более зрелых особей в популяции, тем выше коэффициент возрастности [Там же].
- **Индекс восстановления** I_v характеризует соотношение числа прегенеративных растений к числу генеративных [4–6].
- **Индекс замещения** I_z характеризует отношение числа прегенеративных растений к сумме чисел генеративных и постгенеративных [Там же].
- **Средняя энергетическая эффективность** ЦП или **индекс эффективности** (ω) показывает энергетическую нагрузку на среду [3].
- **Классификация «дельта – омега»**. В данной классификации рассматривают четыре типа нормальных популяций: молодую, зрелую, стареющую и старую, на основе критерия абсолютного максимума [3, 4, 21].

Анализ популяционной структуры проводили методом Байеса в программе Structure 2.2. [27, 29]. Программа Structure 2.2. оценивает вероятность разбиения выборки на K групп на основании расчета частот аллелей в каждой из гипотетических популяций путем байесовского анализа методом марковских цепей Монте Карло. Оценку генетической дифференциации исследованных выборок проводили в программе Arlequin ver. 3.1 [26, 30] с помощью анализа молекулярной дисперсии (AMOVA), который позволяет выделить долю общей дисперсии, приходящейся на внутри- и межгрупповые различия (см. рис. 4).

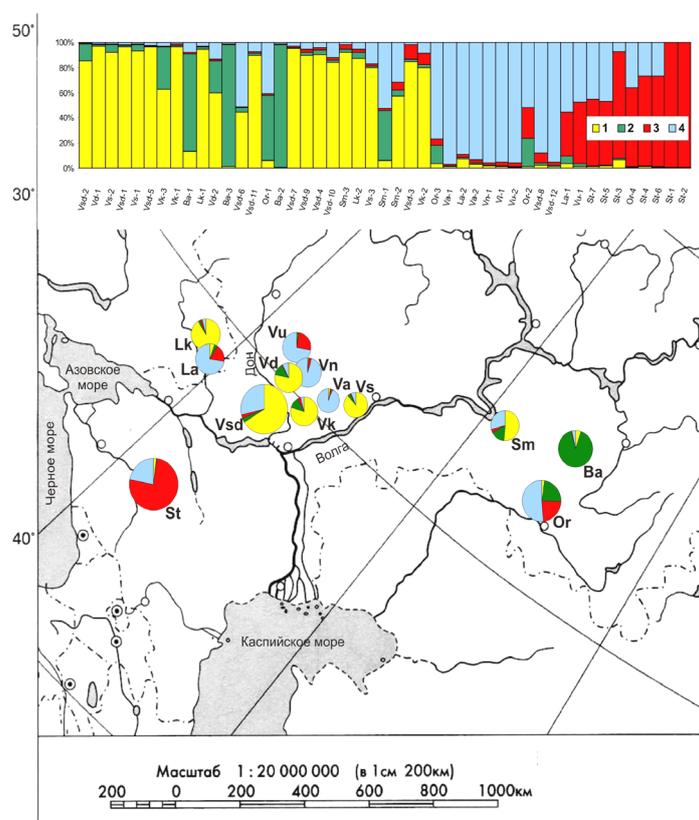

Рис. 4. Байесовский анализ (программа Structure)

Географическая карта: Соотношение образцов, которые относятся к четырем генетическим группам, в отдельных локальных популяциях в виде круговых диаграмм.

Обозначения групп такие же, что и на столбчатой диаграмме.

Для оценки состояния различных видов копеечников нами получены сравнительные данные о возрастных диапазонах ценопопуляций в различном спектре критериев – в различных фитоценозах, экотопах и т. д.

При анализе: 1) выявили наибольшие и наименьшие данные в возрастных диапазонах ценопопуляций; 2) сформировали черты однообразия и различия среди них; 3) обосновали периоды становления ценопопуляций (инвазионная, обычная, регрессивная) и возрастной диапазон (молодая, зреющая, переходная, зрелая, стареющая, старая), полночленность (наличие всех возрастных групп); 4) по возрастным диапазонам нескольких ценопопуляций в спектре критериев получили базисный возрастной диапазон (усредненный, модальный) для нашего региона исследований; 5) изучили предпосылки отличия возрастных спектров исследованных ценопопуляций от базисного, который проявляется в подходящих местах существования и обоснован качествами редкого вида [10].

При исследовании редких видов растений одним из главных показателей является самоподдержание ценопопуляций, которое всегда выражается в семенном, вегетативном и смешанном виде. При семенном самоподдержании пополнение зрелых растений находится в зависимости от нескольких моментов: значения семенной продуктивности и урожая семян, возникновения и выживания всходов, выживания подростка (проростков, ювенильных и имматурных растений).

Семенная продуктивность всегда выделяется в:

- 1) потенциальной семенной продуктивности;
- 2) условно-реальной семенной продуктивности;
- 3) реальной семенной продуктивности.

Методика изучений и исследований за ценопопуляциями редких сосудистых видов растений заключается в:

- 1) выявлении ценопопуляций в границах региона, ее экотопические и фитоценотические критерии произрастания;
- 2) исследовании онтогенетических периодов растений, выделение возрастных состояний;
- 3) определении площади ценопопуляций, количества и плотности размещения растений, оценки плотности в различных частях локальной популяции или же ценопопуляции;
- 4) определение метода возобновления ценопопуляций, оценка семенной продуктивности особей, всхожести семян, производительности самоподдержания;
- 5) проведение мониторинговых исследований за динамикой становления ценопопуляций [1, 2].

В зависимости от целей и задач исследования, методика изучения популяций видов растений имеет возможность быть проработана с различной степенью детальности.

Литература

1. Алтухов Ю.П. Генетика популяций и сохранение биоразнообразия // Соросовский образовательный журнал. 1995. № 1. С. 32–43.
2. Динамика популяционных генофондов при антропогенных воздействиях / под ред. Ю.П. Алтухова. М.: Наука, 2004.
3. Животовский Л.А. Онтогенетические состояния, эффективная плотность и классификация популяций растений // Экология. 2001. № 1. С. 3–7.
4. Жукова Л.А. Многообразие путей онтогенеза в популяциях растений // Экология. 2001. № 3. С. 169–176.
5. Жукова Л.А. Роль популяционно-онтогенетического направления в сохранении биоразнообразия растений // Принципы и способы сохранения биоразнообразия: материалы III Всеросс. науч. конф. (г. Йошкар-Ола, 27 янв. – 01 фев. 2008 г.). Йошкар-Ола: Изд-во Марийс. гос. ун-та. 2008. С. 22–23.
6. Жукова Л.А., Турмухаметова Н.В., Акшенцев Е.В. Экологическая характеристика некоторых видов растений // Онтогенетический атлас растений: научное издание. Йошкар-Ола: МарГУ. 2007. Т. V. С. 318–331.
7. Заугольнова Л.Б. Анализ ценопопуляций как метод изучения антропогенных воздействий на фитоценоз / Бот. журн. 1976. Т. 62. № 12. С. 1767–1779.
8. Заугольнова Л.Б. Структура популяций семенных растений и проблемы их мониторинга: автореф. дисс. ... д-ра биол. наук. СПб., 1994.
9. Заугольнова Л.Б., Смирнова О.В. Возрастная структура ценопопуляций растений и ее динамика // Журнал общей Биологии. 1978. Т. 39. № 6. С. 849–857.

10. Красилов В.А. Популяция, вид, дем и демогенез // Журнал общей биологии. Т. 37. № 4. 1976. С. 506–516.
11. Красная книга Астраханской области. Астрахань: Астрахан. гос. ун-т, Издат. дом «Астраханский университет», 2014.
12. Красная книга Воронежской области: Т. 1. Растения. Лишайники. Грибы. Воронеж: МОДЭК, 2011.
13. Красная книга Республики Калмыкия: в 2-х т. Т. 2. Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения растения и грибы. Элиста: ЗАОр «НПП Джангар», 2014.
14. Красная книга Ростовской области. Т. 2. Растения и грибы. Ростов н/Д.: Минприроды Ростовской области, 2014.
15. Красная книга Саратовской области: Грибы. Лишайники. Растения. Животные. Саратов: Изд-во Торгово-промышленной палаты Саратовской области, 2006.
16. Работнов Т.А. Вопросы изучения состава популяций для целей фитоценологии // Проблемы ботаники. 1950. Вып. 1. С. 465–483.
17. Работнов Т.А. К методике наблюдения над травянистыми растениями на постоянных площадках // Ботанический журнал. 1951. Т. 36. № 6. С. 643–646.
18. Супрун Н.А. Онтогенез и структура популяций *Hedysarum cretaceum* Fisch. на территории Волгоградской области // Вестник Удмуртского университета. Сер. «Биология. Науки о Земле». 2013. № 1. С. 33–39.
19. Супрун Н.А. Структура популяций *Hedysarum grandiflorum* Pall. в Волгоградской области // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. Т. 15. № 3(1). С. 342–347.
20. Супрун Н.А., Шанцер И.А. Генетическая изменчивость видов рода *Hedysarum grandiflorum* Pall. (Fabaceae) по данным ISSR маркирования // Бюл. ГБС РАН. 2013. № 4. С. 42–49.
21. Уранов А.А. Возрастной спектр фитоценопопуляции как функция времени и энергетических волновых процессов // Биол. науки. 1975. № 2. С. 7–34.
22. Ценопопуляции растений (основные понятия и структура). М.: Наука, 1976.
23. Ценопопуляции растений (очерки популяционной биологии). М.: Наука, 1988.
24. Ценопопуляции растений. Развитие и взаимоотношения / отв. ред. Т.И. Серебрякова. М.: Наука, 1977.
25. Юннатов А.А. Кормовые растения пастбищ и сенокосов Монгольской Народной Республик. М., Л.: Наука, 1964.
26. Excoffier L., Smouse P.E., Quattro J.M. Analysis of molecular variance inferred from metric distances among DNA haplotypes: application to human mitochondrial DNA restriction data // Genetics. 1992. V. 131. P. 479–491.
27. Falush D., Stephens M., Pritchard J. Inference of population structure using multilocus genotype data: dominant markers and null alleles // Mol. Ecol. Notes. 2007. Vol. 7. P. 574–578.
28. Hammer O.T., Harper D.A., Ryan P.D. PAST: Palaeontological Statistics software package for education and data analysis // Palaeontologia Electronica. 2001. Vol. 4. N 1.
29. Pritchard J.K., Stephens M., Donnelly P. Inference of population structure using multilocus genotype data // Genetics. 2000. Vol. 155. P. 945–959.
30. Schneider von Deimling T., Held H., Ganopolski A. and Rahmstorf S. Climate sensitivity estimated from ensemble simulations of glacial climate // Clim. Dyn. 2006. Vol. 27. P. 149–163.
31. STATISTICA (data analysis software system), version 6. // StatSoft, Inc., 2001. Computer progr. Mode of access: www.statsoft.com.
32. The organisation changed its name to the International Union for Conservation of Nature and Natural Resources in 1956 with the acronym IUCN (or UICN in French and Spanish). This remains our full legal name to this day. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iucnredlist.org/> (дата обращения: 18.05.2022).

Педагогические науки

УДК 372.881.1

Ж.С. БУДАРИНА, Е.Д. КОЖЕВНИКОВА

(Волгоград)

ЭФФЕКТИВНОЕ ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ОБУЧЕНИИ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ (на материале социальной рекламы)

Уточняется понятие социокультурной компетенции и ее компонентов, а также ее роль в обучении китайскому языку. Определяется эффективность формирования социокультурной компетенции на материале социальной рекламы и приводится комплекс рекомендаций для формирования социокультурной компетенции на материале социальной рекламы.

Ключевые слова: социокультурная компетенция, социальная реклама, китайский язык, формирование социокультурной компетенции, комплекс упражнений.

ZHANNA BUDARINA, ESENIYA KOZHEVNIKOVA

(Volgograd)

EFFECTIVE FORMATION OF SOCIO-CULTURAL COMPETENCE IN TEACHING CHINESE (based on the material of social advertising)

The article deals with the specification of the concept of socio-cultural competence and its components, as well as its role in teaching Chinese. The effectiveness of the formation of socio-cultural competence on the material of social advertising is determined and a set of recommendations for the formation of socio-cultural competence on the material of social advertising is given.

Key words: socio-cultural competence, social advertising, Chinese language, formation of socio-cultural competence, a set of exercises.

Воспитание человека с гуманистическим мышлением, разделяющего общечеловеческие ценности, является одной из основных задач современного общества. Иностранный язык, в свою очередь, выступает средством развития практических умений взаимодействия с представителями других культур, коммуникативных качеств личности, гибкости мышления и толерантности.

На сегодняшний день Китай укрепляет свои отношения со странами-соседями, и Россия не исключение, благодаря чему, потребность в формировании социокультурной компетенции и изучении китайского языка сильно возросла в современном обществе. Перед учителем ставится важная задача, связанная не только с обучением школьников говорить на иностранном языке, а также думать на иностранном языке. Социокультурная компетенция способствует развитию толерантности к носителям другого языка и других культур, а также устранению ксенофобии и стереотипов, которым подвержены все страны мира.

Формирование социокультурной компетенции должно проходить в совокупности вместе с обучением китайскому языку, ведь Китай является древнейшей цивилизацией, обладающей многогранной историей и обычаями. Формирование социокультурной компетенции на уроках китайского языка играет важную роль, современные методики обучения и учебники также обладают направленностью на ее формирование. Существует множество приемов и стратегий, позволяющих развивать социокультурную компетенцию, однако, самой актуальной, на наш взгляд, является формирование социокультурной компетенции на материале социальной рекламы. Социальная реклама уже долгое время является объектом изучения и поводом для обсуждения на различных форумах и конференциях. В процессе

ее создания, основой социальной рекламы являются культурные маркеры, а также стереотипы, воздействующие на зрителя. Изучение китайского языка без приобщения учащихся к менталитету и культуре Китая становится неполноценным.

Проблемой формирования социокультурной компетенции занимались отечественные ученые: Н.А. Жукова, Е.И. Пассов [4, 7].

Социокультурная компетенция наиболее часто встречается в рамках социокультурного подхода к обучению иностранным языкам. Сущность данного понятия заключается в культуроведческих знаниях, которые приобретаются вместе с изучением языка.

Социокультурная компетенция является важной составляющей коммуникативной компетенции. В.В. Сафонова выделяет три компонента иноязычной коммуникативной компетенции, а именно: «языковую, речевую и социокультурную компетенции» [9, с. 146].

И.Л. Бим дает социокультурной компетенции следующее определение: «социокультурная компетенция – это способность и готовность осуществлять иноязычное межличностное и межкультурное общение с носителями языка» [1, с. 216].

В нашей статье мы решили опираться на определение Е.И. Пассова. Так, по определению Е.И. Пассова: «социокультурная компетенция – владение определенным набором социокультурных знаний о стране изучаемого языка (в том числе о поведении, этикете) и умений использовать их в процессе иноязычного общения, а также умение представлять свою страну и ее культуру» [7, с. 184].

Рассмотрим общепринятые компоненты социокультурной компетенции поподробнее. В целом, выделяют 4 компонента социокультурной компетенции. Разные авторы могут комбинировать эти компоненты вместе, однако, будет уместно рассмотреть их по-отдельности.

Выделяют следующие компоненты социокультурной компетенции:

- 1) культуроведческие знания;
- 2) владение способами употребления социально маркированных единиц языка;
- 3) способность разрешать конфликты, которые возникают при общении, а также чувственное отношение к фактам изучаемой иноязычной культуры;
- 4) опыт общения (умения выбирать правильный и уместный стиль общения).

Представленные выше варианты структуры социокультурной компетенции позволяют сделать вывод, что социокультурная компетенция – это знания социокультурного контекста изучаемого языка и опыт применения таких знаний в реальных ситуациях общения. По мнению ряда исследователей, страноведческий аспект является важнейшим компонентом социокультурной компетенции. Страноведческий аспект включает в себя все вышеперечисленные компоненты социокультурной компетенции.

Формирование социокультурной компетенции на уроках иностранного языка происходит в результате определенных факторов:

- 1) обогащения страноведческих знаний за счет новой тематики и проблематики речевого общения;
- 2) получения всесторонних знаний о стране изучаемого языка;
- 3) приобретения навыков и умений, связанных с адекватным использованием языковых средств и правил речевого и неречевого поведения (жестов и т. д.) в соответствии с нормами, которые приняты в стране изучаемого языка [3, с. 40].

Формирование социокультурной компетенции играет важную роль при обучении китайскому языку, благодаря наличию большого количества культурных особенностей, традиций и норм социального общения. При обучении китайскому языку, мы сразу же сталкиваемся с культурными особенностями китайцев посредством иероглифов. История их развития насчитывает более 4000 лет. Таким образом, мы просто не можем не столкнуться с культуроведческими знаниями. Ряд особенностей китайской культуры преследует нас с самого начала изучения языка. Сам язык отражает систему культурных ценностей.

Формирование социокультурной компетенции занимает важное место при изучении любого языка. Способность различать культурные ценности путем наблюдения за носителями других языков

и культур и взаимодействие с ними в соответствии с нормами, установленными в стране изучаемого языка, становится возможным только при сформированной социокультурной компетенции.

Сочетание средств, которые используются для формирования социокультурной компетенции, может быть разным и использоваться во всех видах речевой деятельности. Все материалы, используемые на занятиях, должны быть аутентичными, максимально приближенными к культуре другой страны. Такими материалами могут быть путеводители, публицистические тексты, научные тексты, репортажи, объявления и т. д.

Просмотр игрового кино на изучаемом языке тоже является продуктивным способом формирования социокультурной компетенции.

«Игровое кино – произведение, имеющее в основе сюжет, воплощенный в сценарии и интерпретируемый режиссером, который создается с помощью актерской игры, операторского и прочих искусств» [10, с. 640]. Посредством игрового кино в жанре «комедия» мы узнаем, какой юмор характерен носителям языка, в чем отличие шуток, какие шутки уместны и т. д. С помощью жанра «триллер» мы способны увидеть, какая культура страха в стране изучаемого языка. Уже давно установлено, что в отличие от американских фильмов жанра “horror”, азиатские киноленты нацелены не на большое количество жестоких сцен и чудовищ, а не психологическое воздействие на зрителя, чтобы ему стало некомфортно не от того, что он видит, а от того, что он чувствует. Различные исторические фильмы расширяют наш кругозор касательное истории страны изучаемого языка. История всегда идет в ногу с современным обществом, а также отражается на языке. Большое количество 成语 в китайском языке пришли много лет назад и до сих пор активно используются китайцами в разговорной речи. Например:

百折不挠 (*bǎi zhé bù náo*) Не сдаваться, несмотря на трудности. (произошел из легенды)

刻舟求剑 (*kè zhōu qiú jiàn*) Использовать неподходящий или глупый способ решения проблемы. (произошел из легенды)

老马识途 (*lǎo mǎ shí tú*) Опытный работник знает, что делать. (произошел из легенды)

Когда мы узнаем природу того или иного языкового явления, обучение протекает более комплексно.

Использование игрового фильма также позволяет:

- 1) сформировать представление о культуре страны изучаемого языка;
- 2) добавить в словарный запас большое количество новых лексических единиц;
- 3) понять причины тех или иных явлений страны изучаемого языка;
- 4) обозначить культурные различия между страной родного языка и страной изучаемого языка;
- 5) рассмотреть особенности употребления лексических единиц в разном контексте и т. д.

Газетные статьи также являются эффективным средством формирования социокультурной компетенции. Текст газетной статьи отличается наличием национальных и культурных особенностей Китая. Китайские газетные статьи очень содержательны, с четкой структурой и умеренным иллюстрированием. Это настоящий «словарь» с большим количеством новой лексики, фразеологических оборотов и новых языковых форм. Телевизионные новости мы узнаем об актуальных событиях, как и в газетах, которые происходят в стране изучаемого языка. Осведомленность происходящим также способствует формированию социокультурной компетенции. Отличие только в виде деятельности, в данном случае акцент делается на аудировании.

В языковых высших учебных заведениях к эффективным методам формирования социокультурной компетенции также относят дискуссии, когда на занятии выбирается определенная тема для обсуждения, связанная с культурными явлениями, где участники дискуссии могут найти различия между культурой своей страны и страны изучаемого языка.

Таким образом, наиболее эффективными средствами формирования социокультурной компетенции являются аутентичные статьи, тексты, а также различные виды групповой работы, как дискурс. Наличие разнообразных видов деятельности способствует продуктивному и полноценному формированию культурной компетенции.

Одним из наиболее продуктивных способов формирования социокультурной компетенции является социальная реклама. По мнению А.В. Агеева, «под социальной рекламой понимается реклама, направленная на изменение моделей социального поведения и привлечения внимания к общественно значимым явлениям и проблемам» [10, с. 31].

М.И. Пискунова под социальной рекламой понимает «рекламу, представляющую общественные или государственные интересы и направленную на достижение благотворительных целей, оформленную таким образом, чтобы оказать направленное воздействие на массовое, корпоративное и индивидуальное сознание с целью вызвать определенную реакцию целевой аудитории» [8, с. 161].

Для того, чтобы социальная реклама могла эффективно применяться в обучении китайскому языку для формирования социокультурной компетенции, она должна соответствовать следующим параметрам:

- 1) аутентичность;
- 2) новизна для смотрящего;
- 3) современность;
- 4) информационная насыщенность;
- 5) соответствие с профессиональными интересами учащихся;
- 6) страноведческая и лингвострановедческая значимость;
- 7) соответствие с уровнем владения языком учащихся;
- 8) соответствие с тематикой занятия.

Таким образом, при правильном внедрении в образовательный процесс, социальная реклама может эффективно применяться для формирования социокультурной компетенции.

Разработаем комплекс упражнений для формирования социокультурной компетенции на материале социальной рекламы.

Социальная реклама “离婚” lǐhūn развод.

去年300万宗离婚里多达近10万对最后选择复合 (*qùnián 300 wàn zōng lǐhūn lǐ duō dá jìn 10 wàn duì zuìhòu xuǎnzé fùhé*) из 3 миллионов разводов в прошлом году почти 100 000 пар наконец-то решили сойтись.

В учебнике Ли Сяоци “Boya Chinese” [5] присутствует урок, связанный с браками в Китае. Таким образом, объединив материал учебника с данной социальной рекламой, студенты смогут не только узнать новые слова по теме брака, а также реальную обстановку в стране, отношение китайцев именно к теме развода, т. к. в учебнике рассматривается только вопрос бракосочетания.

Предлагаем разработать к ней комплекс упражнений:

Упражнение № 1.

Отметьте верные утверждения.

Упражнение № 2.

Ответьте на вопросы.

Упражнение № 3.

Напишите эссе на тему: “我对离婚的态度是什么”.

В перспективе исследования, мы допускаем дополнения различными упражнениями. Благодаря подобной деятельности, на материале социальной рекламы вы можете формировать социокультурную компетенцию, расширяя знания о стране изучаемого языка в различных областях.

Рассмотрим еще один пример:

Социальная реклама “健康本该如此” (*jiànkāng běn gāi rúcǐ*) здоровье должно быть таким. Основной идеей данной рекламы является здоровый образ жизни, отказ от вредной пищи, напитков и занятия спортом. Нам показывают последствия того, что будет, если не придерживаться правильного образа жизни.

В конце рекламы, звучит фраза: “我知道我可以改变” (*wǒ zhīdào wǒ kěyǐ gǎibiàn*) я знаю, что я могу измениться, после чего, все действующие лица меняют свою жизнь в лучшую сторону. Тема

здоровья актуальна и присутствует в большинстве учебников по китайскому языку. В Китае, теме здоровья и здорового образа жизни уделяется особое внимание, начиная от традиционной медицины, заканчивая высокими технологиями. Благодаря такой деятельности, студенты могут узнать об отношении китайцев к таким вещам, как спорт, правильное питание, отказ от вредных привычек и т. д.

Предлагаем разработать к ней комплекс упражнений:

Упражнение № 1.

Сделайте презентацию на тему здорового образа жизни в Китае.

Упражнение № 2.

Ответьте на вопросы.

Упражнение № 3.

Напишите эссе на тему: “我对健康的生活方式的态度是什么”.

Таким образом, роль социокультурной компетенции в обучении китайскому языку достаточно велика, благодаря наличию обширных культурных особенностей, традиций и норм социального общения. Социальная реклама является дополнительным материалом, содержащим все эти особенности, способствующие более эффективному формированию социокультурной компетенции.

Литература

1. Бим И.Л. Методические условия формирования коммуникативной компетентности. М.:Тезарус, 2002.
2. Власов М.П. Виды и жанры киноискусства. М.: Знание, 1976.
3. Воробьев Г.А. Развитие социокультурной компетенции будущих учителей иностранного языка (поиск эффективных путей) // Иностранные языки в школе. 2003. № 2. С. 30–36.
4. Жукова Н.А. Практический курс методики обучения иностранному языку: практикум. Барнаул: Алтай. гос. пед. ун-т, 2020.
5. Ли Сяоци, Чжао Яньфэн. Курс китайского языка “Voya Chinese”. Средний уровень. Ступень I / под ред. А.Г. Сторожука; пер. Е.И. Митькина, Е.Н. Колпачкова, Н.Н. Власова. СПб., Пекин: КАРО, Изд-во Пекин. ун-та, 2019.
6. Пассов Е.И. Методика как наука будущего. Краткая версия новой концепции / под ред. А.В. Голубевой. СПб.: Златоуст, 2019.
7. Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. М.: Рус. яз., 1989.
8. Пискунова М.И. Социальная реклама как феномен общественной рефлексии // Медиаскоп. 2004. № 1. С. 19.
9. Сафонова В.В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. Воронеж: Истоки, 1996.
10. Юткевич С.И. Энциклопедический словарь кино. М.: Советская энциклопедия, 1987.

Филологические науки

УДК 81-2

А.В. КРАВЦОВА, А.В. ОБЪЕДКОВА

(Волгоград)

ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ СВЯЩЕННЫХ СУЩЕСТВ В МИФАХ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Определяется понятие и роль мифов в китайской лингвокультуре. Устанавливается теоретическая база исследования китайских мифов. Рассматриваются особенности наименований священных существ и частотность их употребления в мифах Древнего Китая.

Ключевые слова: китайский язык, мифологические существа, черепаха, цилинь, феникс, дракон.

ANNA KRAVTSOVA, ALBINA OBYEDKOVA

(Volgograd)

SPECIFIC FEATURES OF NOMINATION OF SPIRITUAL CREATURES IN THE MYTHS OF THE ANCIENT PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

The article deals with the concept and role of the myths in the Chinese linguistic culture. There is determined the theoretical basis of the studies of the Chinese myths. The authors consider the peculiarities of the naming units of the spiritual creatures and the frequency of their usage in the myths of the Ancient People's Republic of China.

Key words: Chinese language, mythological creatures, tortoise, kylin, phoenix, dragon.

Культура Китая насыщена многовековым фольклорным богатством, которое является для китайцев немаловажным и по настоящий день. Об этом свидетельствует трепетная приверженность традициям, проистекающим из давних времен. Одним из таких средств, находящих отражение в культуре Китая и по настоящий день, является мифология.

Мифология представляет собой систему образов, формирующую единую картину мира и ее восприятия, а также средоточием моделей поведения, системы ценностей и других аспектов, образующих культуру определённого народа. В свою очередь, мифом называют особое творчество человека, заключающее в себе «сказание о богах, вымысел (лат. *fabula*), представление, лежащее в основе миропонимания» [5]. Иными словами, миф – это толкование концепции картины мира через призму воззрения древних людей, не способных дать объяснение какому-либо явлению реальной действительности. Как отмечается в «Большой российской энциклопедии», сюжеты мифов разных народов преимущественно схожи. Так, основными мотивами могут быть представления о создании мира, различные героические подвиги или же мифы, повествующие о конце существования [Там же].

С развитием общества и мира в целом миф не теряет своей значимости в полной степени, а лишь «десакрализуется» и находит отражение в подсознании людей [Там же]. Изучением мифологического богатства Китая занимались исследователи по всему миру, например, Кэ Юань в труде «Мифы Древнего Китая» [12] собрал все мифы в единую систему, структурировал их и дал необходимые для понимания комментарии; Хорхе Луис Борхес и Маргарита Герреро создали «Книгу вымышленных существ» [3], включающую в себя мифических существ разных культур; Маринус Виллем де Фиссер в книге «Драконы в мифологии Китая и Японии» [11] проводит анализ влияния буддизма на представление о драконах в китайской и японской мифологии; Сергей Васильевич Березницкий, автор исследования «Караванная торговля России с Китаем и отечественная наука XVIII века» [2], изучает влияние

российско-китайской торговли на обмен корреспонденцией, уделяя при этом немалое внимание культурологический аспектам. Проблемой непосредственно наименований священных существ китайской мифологии в отечественной литературе занимались такие исследователи, как А.М. Решетов, Н.А. Сомкина и др. [7, 8, 9, 10]. Как отмечает И.О. Родин, китайская мифология является совокупностью древнекитайской, даосской, буддийской систем и поздней народной мифологии. Главной отличительной особенностью мифов Китая автор называет отсутствие в них рациональности, что соответствует учениям даосизма и буддизма [4]. Со слов де Фиссера «коллекция китайских легенд стала не только значительно обогащенной, но также смешанной с индийскими фабулами», что указывает на некоторую близость, казалось бы, двух совершенно разных культур [11, с. 2].

В китайской мифологии выделяются четыре так называемых «благовещих» животных: *дракон* (трад. 龍, упр. 龙 *lóng*), *черепаха* (трад. 龜, упр. 龟), *феникс* (трад. 鳳凰 *fènghuáng*, первый иероглиф 鳳 *fèng* имеет упрощенное написание 凤, однако чаще всего в наименовании феникса можно встретить именно традиционный иероглиф), *единорог* (麒麟 *qílín*). В мифах Древнего Китая говорится о том, что эти животные приносят счастье, например, де Фиссер отмечает, что фениксы и драконы являлись знаменем появления святого или императора [11]. О значимости этих животных для китайцев свидетельствуют и такие пословицы, как:

鳳凰麒麟不來, 嘉谷不生 *Fènghuáng qílín bù lái, jiā gǔ bù shēng* Феникс не прилетит, цилинь (единорог) не придёт – не родиться обильным хлебом.

Так и в предании об императорах Яо и Шуне, описываемом в «Мифах Древнего Китая» Кэ Юаня, говорится о том, что фениксы пели и танцевали лишь в мирное время, что закрепляет за фениксом символ счастья и благополучия [12]. Рассмотрим образ феникса, представленный в «Мифах Древнего Китая» Кэ Юаня [Там же], статьях Н.А. Сомкиной «Историческая морфология китайского феникса» [10] и А.М. Решетова «Фэнхуан (феникс) в культурной традиции китайцев» [8], подробнее. Феникс представляет собой птицу с ярким оперением, напоминающую внешним видом павлина или фазана. Китайский термин для названия феникса состоит из двух слов: *Фэн* (鳳 *fèng*) – *феникс-самец* и *Хуан* (凰 *huáng*) – *феникс-самка*. Согласно мифам, Фэн – трехногий феникс, живущий на Солнце, и в паре с Хуан является символом вечной любви. Однако А.М. Решетов утверждает, соединение этих двух иероглифов в названии феникса обозначает андрогинность птицы [8].

Кэ Юань говорит о трех видах пестрых птиц, которых называли фениксами: *хуаньяо* (黄鸟 *huángniǎo*, «желтая птица» или же ныне «иволга»), *луаньяо* (鸾鸟 *luánniǎo*, иероглиф “鸾” обозначает красного или голубого феникса, в разных источниках говорится о преобладании того или иного цвета), *фэньняо* (鳳鸟 *fèngniǎo* «феникс, предзнаменующий появление великого человека» или 凤鸟 «*fèngniǎo*» «райская птица»). Также есть упоминание о *Дзифуэнь* (九鳳, «девять» + «феникс-самец») – существо с туловищем птицы и девятью головами с человеческими лицами [12]. Из этого можно заключить, что наименования подвидов феникса основываются преимущественно на внешних физических признаках: цвет или количество голов.

Китайский единорог, или цилинь (麒麟 *qílín*), является не менее важным существом китайской мифологии. Оно представляет собой существо с туловищем оленя, хвостом быка и коротким рогом на лбу. Иероглиф “麒” имеет значение «*цилинь-самец*», по некоторым источникам иероглиф “麟” имеет разные значения:

1) *цилинь-самка*, что указывает на похожую словообразовательную модель, как и в слове феникс 鳳凰 *fènghuáng*.

2) *крупный олень (самец)*, отсюда вытекает предположение, что образ цилиня основывается на представлениях об олене.

Цилинь является символом мира и жизни, поэтому существует предание, что, если ранить или преступить через его мертвое тело, – сулит несчастье. Н.А. Сомкина отмечает, что противостояние двух цилиней в Древнем Китае считали предзнаменованием солнечного затмения [9]. Необходимо отметить, что в Китае слово “麒麟 *qílín*” употребляют по отношению к выдающемуся, гениальному человеку.

Н.А. Сомкина упоминает три вида цилиней:

1) *синю* (犀牛 *xīniú* «носорог») – существо, напоминающее маленькую рыжую коровку с одним рогом на затылке (отсюда и иероглиф 牛 *níu* «корова»);

2) *сечжи* (獬豸 *xièzhì* «сказочный зверь-единорог») – «баран размером с медведя, покрытый зеленой шерстью и увенчанный единственным рогом» [9, с. 275];

3) *байцзэ* (白泽 *báizé* «рогатый лев») – мифическое существо с головой дракона, двумя рогами, гривой и львиными лапами [9]. Однако С.В. Березницкий в своей книге указывает, что цилиней часто путают с ши-цзы (獅子 *shīzi* – лев), поэтому автор выделяет некоторые отличительные особенности цилиндра: они представляются с чешуйчатыми телами и усами, похожими на сомовьи, а ноги цилиндра оканчиваются копытами [2]. Так, вероятнее всего, байцзэ, который в «Мифах Древнего Китая» Кэ Юаня называется «повелителем» духов и бесов, является ши-цзы.

Еще одним «благовещим» существом, представляющим собой символ мудрости и долголетия, является черепаха (трад. 龜, упр. 龟). В мифологии можно встретить несколько типов черепах: черепахи лекарственные, действующие лица различных мифов и, так называемые, «первопредки». Кэ Юань, описывая лекарственные растения и животных, упоминает, что черепаха использовалась в качестве лекарства – «вертящаяся черепаха помогала от мозолей на ногах», которая именуется суаньгуй (旋龟 *xuán guī*, «крутиться» + «пресноводная черепаха»). В мифе про усмирение потопа Гунем и Юем, говорится о том, что после смерти Гуня из его тела вылез дракон Юй, а само же тело превратилось в зверя. По одной из версий этим зверем, воплощающим в себе дух Гуня, была трехногая черепаха (黄能 *huánghái*) [12].

Зачастую вместе с черепахой упоминаются и горы: например, в мифе о сотворении мира упоминается несколько черепах, одна из которых черепаха Ао (鳌 *áo*), удерживающая на своей голове три священные горы – Инчжоу, Пэнлай и Фанчжан, где живут бессмертные [Там же]. Как отмечает А.М. Решетов, в отношении к ней используется не привычный иероглиф гуй “龟” (*guī*, «пресноводная черепаха»), а бие “鼈” (*biē*, «трионикс китайский»), т. е. в контексте вместо 鳌 Ао может употребляться иероглиф 鼈, относящий ее к съедобным черепахам [7].

Исходя из вышесказанного, с точки зрения состава словообразовательных компонентов черепах в китайской мифологии можно разделить на две большие группы: гуй “龟” (*guī*, «пресноводная черепаха»), которые зачастую именуются по типу «внешний признак» + 龟, и бие “鼈” (*biē*, «трионикс китайский»), которые возникают в контексте для предотвращения неоправданных повторов. В связи с тем, что оба вида черепах обитают в пресноводной воде, единственным различием в китайской культуре является возможность употребления вторых из вышеупомянутых в пищу.

Наиболее многочисленной по своему составу из всех «благовещих» существ является группа драконов (龙 *lóng*). Нельзя не отметить, что при образовании названий различных видов драконов используется традиционный иероглиф 龍 *lóng*, что отличает их, как и фениксов 鳳凰 *fènghuáng*, от других «благовещих» существ. Согласно М.В. де Фиссеру, лун 龍 *lóng* является одной из «форм взросления»: «Водяная змея (水虺 *shuǐhuī* «мифическое существо в виде змеи») через пятьсот лет превращается в цзяо (蛟 *jiāo* «дракон, вызывающий наводнения»), цзяо через тысячу лет превращается в лун (龍 *lóng* «дракон»), лун через пятьсот лет превращается в цзе-лун (角龍 *jiǎolóng* «рогатый дракон») и, через тысячу лет, в ин-лун (应龍 *yìnglóng* «крылатый дракон»)» [11].

В «Книге вымышленных существ» Хорхе Луиса Борхеса и Маргариты Герреро отмечаются всего четыре вида китайских драконов. К ним относятся следующие.

– Небесный дракон, или же тяньлун 天龍 *tiānlóng*. Название дракона включает в себя обязательный для обозначения существа иероглиф 龍 *lóng* «дракон» и 天 *tiān* «небо». Основная задача тяньлуна – держать на себе небесные замки (天宮 *tiāngōng*) и защищать небожителей (天仙 *tiānxiān*), именно от места обитания и происходит его название. Большой китайско-русский словарь определяет тяньлуня как созвездие Дракона, что подтверждает версию о происхождении названия.

– Божественный дракон, или шэньлун 神龍 *shénlóng*, состоящий из иероглифов 神 *shén* «дух, бог» и 龍 *lóng* «дракон», является создателем ветров и дождей, несущих людям благо. В Большом ки-

тайско-русском словаре дается следующее толкование: «谓龙。相传龙变化莫测，故有此称 по преданию, дракон непредсказуем, отсюда и название» [1]. Исходя из перевода, внутренняя форма слова, кажется, затемненной, однако одно из значений иероглифа 神 *shén* «изменяться, претворяться» указывает на неточный перевод наименования.

– Земной дракон, или дилун 地龍 *dìlóng*, включает в себя иероглифы 地 *dì* «земля» и 龍 *lóng* «дракон». Согласно «Книге вымышленных существ», этот дракон направляет течение ручьев и рек, что демонстрирует прозрачную внутреннюю форму.

– Подземный дракон, фуцанлун 伏藏龍 *fúcánglóng* – «дракон, скрывающий сокровища» (伏藏 *fúcáng* «прятать, хранить» + 龍 *lóng* «дракон»), охраняет запретные сокровища [3].

Эти четыре вида драконов фиксируются и в «Драконах в мифологии Китая и Японии» Маринуса Виллема де Фиссера под названиями: небесные, божественные, земные и спрятавшиеся Наги. В этом труде можно наблюдать еще большее разнообразие наименований драконов. В зависимости от цвета автор выделяет следующие виды: лазурный дракон (Цинлун 青龍 *qīnglóng*, «сине-зеленый» + «дракон»), желтый дракон (Хуанлун 黃龍 *huánlóng*, «желтый» + «дракон»), белый дракон (Байлун 白龍 *báilóng*, «белый, ясный, чистый» + «дракон»), черный дракон (Сюаньлун 玄龍 *xiánlóng*, «тайный, глубокий» + «дракон»). Примечательно, что для обозначения черного цвета в китайском языке существует иероглиф “黑”, поэтому можно сказать, что перевод наименования этого дракона как «Темный или таинственный дракон» был бы более точным. Возможно, произошел метафорический перенос ассоциативного значения «черного» как «таинственного» при осуществлении перевода. Согласно де Фиссеру «черный дракон изливает свет и делает так, что Тьма (Инь) превращается в Свет (Ян)» [11]. Возможно, по этой причине дракон именуется именно так, а не из-за собственного цвета.

Упомянутые ранее «стадии взросления» драконов имеют определенные физические признаки. Так, в зависимости от наличия рогов у дракона существуют цю-лун (虬龍 *qiúlóng* «рогатый дракон») и чи-лун (螭龍 *chīlóng* «безрогий дракон»); цзяо-лун 蛟龍 *jiāolóng* «водяной дракон» характеризуется наличием чешуек, а ин-лун 兪龍 *yúnlóng* «крылатый дракон», или «отвечающий дракон», соответственно, является обладателем крыльев. Необходимо отметить, что иероглиф “兪” является японским вариантом иероглифа “應”, что означает «отвечать», однако сложно проследить связь между способностью отвечать и наличием у дракона крыльев. К одной из стадий взросления можно отнести Паньлуна (蟠龍 *pánlóng* «свившийся дракон») – дракона, который еще не поднялся на небеса.

Как и ин-лун 兪龍 *yúnlóng*, называемый по одной из версий по своей основной функции (отвечать на просьбы людей), существует чжу-лун (燭龍 *zhúlóng* «дракон со свечой»): «Во рту он держал восковой светильник и освещал им северный склон горы вместо солнца» [12].

В труде М.В. де Фиссера также упоминается дракон-химера – Лошадь-дракон (Лунма 龍馬 *lóngmǎ* «легендарный конь-дракон»), название которого состоит из традиционных иероглифов 龍 *lóng* «дракон» и 馬 *mǎ* «лошадь», что нарушает схему «определение объекта» + «объект», которая применялась во всех приведенных выше примерах [11].

Подобные драконы-химеры описываются и Кэ Юанем в «Мифах Древнего Китая». Например, чжуполун (猪婆龙 *zhūpólóng* «дракон-свинья»), наименование которого образовывается по описанной выше схеме, однако с использованием упрощенного иероглифа 龙 *lóng*. В Большом китайско-русском словаре можно найти еще одно название данного дракона – 猪龙 *zhūlóng* – которое несет в себе образное значение «бестолковый верзила, безвредный великан», что, в свою очередь, вероятно, связано с тем, что драконы-свиньи являлись слугами. Среди химер упоминается также дракон-собака Пань-ху (槃瓠 *pánhù*), являющийся предком народов Мяо и Яо. Название этого дракона происходит по его имени. Еще один дракон, имеющий собственное имя, описывается в мифе про усмирение потопа Гунем и Юем, приведенном ранее, – Юй 禹 *yǔ* [12].

Суммируя вышеизложенное, можно выделить такие классификации китайских драконов, основанных на разных принципах, как:

1) По внешним признакам:

a. по цвету (лазурный дракон 青龍 qīnglóng, желтый дракон 黃龍 huánlóng, белый дракон 白龍 báilóng, черный дракон 玄龍 xuánlóng) – 21% от общего числа всех наименований драконов;

b. по физиологическим особенностям (цю-лун 虬龍 qiúlún, чи-лун 螭龍 chīlóng, цзяо-лун 蛟龍 jiāolóng, ин-лун 兪龍 yùlóng) – 21%;

c. по сходству с другими животными (чжуполун 猪婆龙 zhūpólóng или 猪龙 zhūlóng, лошадь-дракон 龍馬 lóngmǎ) – 11%.

2) По деятельности (чжу-лун 燭龍 zhúlóng, пань-лун 蟠龍 pánlóng, божественный дракон 神龍 shénlóng, подземный дракон 伏藏龍 fúcánlóng) – 21%.

3) По месту обитания (земной дракон 地龍 dìlóng, небесный дракон 天龍 tiānlóng) – 11%.

4) По имени собственному (Юй 禹 yǔ, Пань-ху 槃瓠 pánhù) – 11%.

Примечательно, что не все драконы, согласно различным мифам, «удостаивались» имен или наименований, например, в мифах упоминаются драконы, которые лишь запрягались в повозку.

Таким образом, можно заключить, что номинации, образованные на основе каких-либо внешних признаков, являются наиболее продуктивными и составляют 53% от общего числа всей выборки наименований драконов.

Исходя из всего вышесказанного, можно заключить, что среди всех «благовещих» животных, именно среди драконов функционирует наиболее развитая сеть наименований, составляющая 67% от общего числа всех найденных наименований мифических существ в Китае. Как отмечает Х.Л. Борхес, это связано с тем, что китайцы верят в драконов больше, чем в какие-либо другие существа [3].

Следующей по численности является группа наименований фениксов – 15%. Названия черепах в мифах в сравнении с количеством наименований других существ составляет 11%, а названия цилиней – 7%.

Проанализировав наименования мифических существ, встречающихся в различных мифах Китая, можно выделить следующие пути образования номинации:

1) структура «определение объекта» + «объект» – 78%;

2) имя собственное – 11%.

Нельзя не отметить имена с «затемненной» внутренней формой, происхождение которых до сих пор остается не ясным. К таким наименованиям можно отнести названия цилиней, представленных Н.А. Сомкиной [9], которые составляют 11% от общего числа наименований всех мифических существ.

Литература

1. Большой китайско-русский словарь (大БКРС): [сайт]. URL: <https://bkrs.info>.
2. Березницкий С.В. Караванная торговля России с Китаем и отечественная наука XVIII века. СПб.: МАЭ РАН, 2017.
3. Борхес Х.Л., Герреро М. Книга вымышленных существ // Собрание сочинений: в 4-х т. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2006. Т. 3. С. 173–174.
4. Ежов В.В. Мифы древнего Китая. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2004.
5. Константинов А.В., Резвых П.В. Аверинцев С.С. МИФ // Большая российская энциклопедия. Т. 20. М., 2012. С. 475–477. [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/philosophy/text/2218356> (дата обращения: 14.05.2022).
6. Попов П.О. Китайская литература. М.: АРТКРАС, 2012.
7. Решетов А.М. О культе черепахи в Китае // Радловские чтения 2006: тезисы докладов. СПб.: МАЭ РАН, 2006. С. 184–189. [Электронный ресурс] URL: https://lib.kunstkamera.ru/rubrikator/08/08_02/5-88431-126-6/ (дата обращения: 14.05.2022).
8. Решетов А.М. Фэнхуан (Феникс) в культурной традиции китайцев // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-135-0/978-5-88431-135-0_63.pdf (дата обращения: 14.05.2022).
9. Сомкина Н.А. Историческая морфология цилиней // Вестник Санкт-Петербург. ун-та. Сер. 9.: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2008. № 3-2. С. 272–276.
10. Сомкина Н.А. Историческая морфология китайского феникса // Вестник Санкт-Петербург. ун-та. Сер. 9.: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2008. № 4-2. С. 288–292.
11. Фиссер М.В., де. Дракон в Китае и Японии. М.: Профит Стайл, 2008.
12. Юань Кэ Мифы древнего Китая. М.: Наука, 1965.

УДК 821.161.1

Н.Е. РЯБЦЕВА

(Волгоград)

**РЕЦЕПЦИЯ МИФА О «ВЕЧНОМ ВОЗВРАЩЕНИИ» В ПОЭЗИИ ИННЫ ЛИСНЯНСКОЙ:
К ВОПРОСУ О ХУДОЖЕСТВЕННОМ СВОЕОБРАЗИИ ИСТОРИЧЕСКОГО
ПРОСТРАНСТВА**

Рассматривается мотивный комплекс, восходящий к мифу о «вечном возвращении», в творчестве одного из ярчайших представителей поэзии 2-ой половины XX столетия – И. Лиснянской. Исследуются художественные особенности пространственной образности в поэзии автора, с помощью которых реализуется мифологема «вечного возвращения».

Ключевые слова: *топос, хронотон, историческое пространство, мифопоэтика, цикличность, семантическая поэтика.*

NATALYA RYABTSEVA

(Volgograd)

**RECEPTION OF THE MYTH OF THE “ETERNAL RETURN” IN THE POETRY
OF INNA LISNYANSKAYA: CONSIDERING THE ISSUE OF THE ARTISTIC
ORIGINALITY OF THE HISTORICAL SPACE**

The article deals with the motive complex, dating back to the myth of the “eternal return”, in the work of one of the brightest representatives of the poetry of the 2nd half of the twentieth century – I. Lisnyanskaya. The article examines the artistic features of the spatial imagery in the author’s poetry, with the help of which the mythologeme of “eternal return” is realized.

Key words: *topos, chronotope, historical space, mythopoetics, cyclicity, semantic poetics.*

Историческое пространство в поэтическом мире Инны Лиснянской является одним из наиболее значимых и частотных типов художественного пространства. Рецепция исторической образности определяется в стихах поэта христианской доминантой, сопряженностью временного и вечного в едином сюжете мировой истории. В этом контексте особую значимость обретает тема судьбы поэта. Лирическая героиня И. Лиснянской находится в самом эпицентре исторической драмы, оказывается в экзистенциальной ситуации нравственного выбора. Узловые события истории обретают в её стихах религиозно-этический статус, поэтому вполне обоснованно можно говорить о христианском историзме в поэзии Инны Лиснянской. Значимые принципы художественной картины мира Лиснянской ориентированы на философско-культурную и эстетическую парадигму «семантической поэтики» [7, с. 49]. Религиозно-философский и культурологический смысл пространственно-временного континуума в «семантической поэтике» актуализируется с помощью идеи повторяющейся циклизации, восходящей к архетипу «вечного возвращения». Как писал А.Б. Есин, «вся раннехристианская концепция времени сводится к тому, что человеческая история должна в конце концов возвратиться к своему началу: от райской гармонии через грех и искупление к вечному царству истины. Интересно, что циклическая концепция времени здесь переходит в довольно редкую свою разновидность – атемпоральность, суть которой в том, что мир мыслится абсолютно неизменным, а значит, категория времени утрачивает смысл...» [5, с. 60].

Тема «вечного возвращения» и связанный с ней принцип «культурной синхронии» становятся ключом к пониманию творческого метода И. Лиснянской. Уходящая своим корнями в философию и религию Древнего мира (Пифагорейская школа, Гераклит, Екклесиаст) философия «вечного возвращения» получает активное распространение в литературе XX в. В культивируемой в модернизме мифологии истории, при несомненном влиянии философских идей Ницше, тема возврата и повтора мно-

гократно варьируется и развивается в связи с представлениями о вечности как непрерывной мировой памяти. История понимается как «совокупность живого опыта, в разных формах которого, в том числе и в мифе, историческое закреплено в памяти и творчески активном припоминании» [6, с. 10].

Особую важность представляет анализ концепции «вечного возвращения» в акмеизме, поскольку именно отдельные элементы этой художественной системы нашли своё продолжение в творчестве И. Лиснянской. Тема «вечного возвращения» разрабатывается И. Лиснянской в свете философско-эстетических взглядов О. Мандельштама: «повторению» подвергаются события культурного ряда, освобождающие историю от обречённого движения часовой стрелки по циферблату. «Мысль о круговороте “вечного возвращения” оказывается для Мандельштама последней опорой против хаоса Смутного времени. В центре этого круговорота – вневременная точка, “где время не бежит”, место вождельного покоя и равновесия» [4, с. 220]. Таким идеальным временем, «золотым веком», становится для поэта Античность, метафорически воплощённая в совершенной форме шара или круга: «Античная мысль понимала добро как благо или благополучие... Добро, благополучие, здоровье были слиты в одно представление, как полновесный и однородный золотой шар» («Заметки о Шенье») [11, Т. 2, с. 162]. Исследователь О.М. Седых, сопоставляя философию времени О. Мандельштама и О. Шпенглера, настаивает на их родственном отношении к античной культуре как к культуре, отрицающей время. В контексте античной традиции прочитывается у О. Мандельштама тема остановленного мгновения («Всё было встарь, всё повториться снова, / И сладок нам лишь узнаванья миг») [14, с. 109]. Л.Г. Панова в своей работе «„Мир“, „пространство“ и „время“ в поэзии Осипа Мандельштама» выделяет следующие способности художественного выражения историко-культурной модели «вечного возвращения»: цитатность, обильный подтекст, включение лексем со значением повторяемости («опять», «снова», «вновь»), собственных имён, имеющих в качестве уникальных референтов мифологических героев, героев истории и культуры, вкрапление отдельных явлений культуры как знаков великих цивилизаций [13, с. 360, 363].

Мифологема «вечного возвращения» воспроизводится в творчестве И. Лиснянской с помощью художественных приемов, характерных для «поэтики реминисценций» (М.Л. Гаспаров): образной полисемии и полицитатности. Центральная особенность поэтического стиля автора заключается в активном использовании историко-культурных ассоциаций, недаром одна из устойчивых метафор поэзии И. Лиснянской тесно перекликается с мандельштамовским сравнением поэзии с «плугом, взрывающим время так, что глубинные слои времени, его чернозём, оказываются сверху»: «Память я перепыхала, / Но возникли, как вчера, / Дальней пальмы опахало, / Дней павлиньи веера» [8, с. 384]. Симптоматично, что образ *веера* (и его смысловые аналоги), рифмуется в стихах И. Лиснянской с широко известным образом О. Мандельштама: «веер времён», означающий творческое единство – «культурную синхронизацию» – одновременных событий. В статье «О природе слова» О. Мандельштам рассматривает «эллинизм» как «систему в бергсоновском смысле слова, которую человек развёртывает вокруг себя, как веер явлений, освобождённых от временной зависимости, соподчинённых внутренней связи через человеческое Я» [11, Т. 2, с. 182]. Смысловым ядром этого принципа является интуитивная способность поэта воспринимать культурные явления не в порядке их временной последовательности, а в особом вневременном пространственном поле: «Бергсон, – пишет Мандельштам, – рассматривает явления не в порядке их подчинения закону временной последовательности, а как бы в порядке их пространственной протяжённости. Его интересует исключительно внутренняя связь явлений. Эту связь он освобождает от времени и рассматривает отдельно. Таким образом, связанные между собой явления образуют как бы веер, створки которого можно развернуть во времени, но в то же время он поддаётся умопостижаемому свёртыванию» [Там же, с. 173].

Наиболее выразительно принцип «веера времён» реализуется в стихотворении И. Лиснянской «Ночи Кабирии» (1997) из сборника «Ветер покоя». Автор последовательно выстраивает цепочку образов, которые соотносятся в сознании читателя с предметами, получившими в современном мире статус культурных артефактов. Каждый из них рождает ассоциации с определёнными культурными эпохами, с мастерами искусства и их произведениями: мельничный круг, винт самолёта, вентилятор,

диск киноплёнки, китайский веер. Беря за основу тезис о том, что «у каждой вещи есть предки», И. Лиснянская воспроизводит круговое движение времени, словно отматывает назад киноплёнку: «Но вентилятор, как видите, тоже звено / Меж веером, мельницей и самолётным винтом, / Крутящим ночи Кабирии... А вентилятора предки – китайские веера / Веют с Востока и завивают смерч / Ассоциаций, которые стоят свеч. / Свечи подкорки вечного стойче огня. / Бродский, Феллини, Сервантес – обратный ход / Времени...» [8, с. 312]. Характерно, что семантическим центром стихотворения – и сборника в целом – оказываются мотивы кинофильма и древнегреческого театра, что позволяет углубить параллели с философско-художественной концепцией времени культуры в поэзии О. Мандельштама (стихотворения «Кинематограф», 1913; «Я не увижу знаменитой «Федры»...», 1915; «-Как этих покрывал и этого убора...», 1915). Героиня И. Лиснянской, подобно героине Джульетты Мазины из кинофильма Ф. Феллини «Ночи Кабирии», скрывает слёзы и душевную боль за маской паяца: «Пусть плачут глаза и смеётся рот – / За маску сойдёт гуттаперчевая броня». Балаганно-площадная стилистика в духе комедии дель арте таит в себе трагедию современного человека, осознающего, что «в итоге всегда не то, что дано». «Потомки вещей» не воссоздают с точностью культурные образцы, но лишь пытаются их копировать (отсюда движение вспять – как стремление вернуться к истинному первообразу). Однако сами чувства человека по силе своего внутреннего трагизма неизменны в веках и поэтому ничуть не уступают высокому эталону древнегреческого искусства. Трагическое в контексте опыта современности не подвергается у И. Лиснянской комическому снижению, скорее можно говорить о синтезе этих двух категорий – о трагикомедии современной жизни, в которой «судьба смеётся глазами и плачет ртом»: «Заржавлены пружины, / И ткань насквозь промокла... / И видятся руины / Трагедии Софокла. / Ушла под пепел Федра, – / Осталась диадема... / И трепетнее ветра / Трепещущая тема...» [Там же, с. 299–300].

Театральная символика способствует воссозданию идеи соприсутствия в едином художественном пространстве образов различных эпох и культур. «Театр времени», а точнее «амфитеатр» (О.М. Седых), инициирует синхронное видение культурных явлений, что делает возможным преодоление времени, небытия, забвения и смерти. Примечательно в этом отношении стихотворение И. Лиснянской «Первая ласточка в вербном окне...» (1992), в котором мотив «вечного возвращения» звучит сквозь «античную» тему загробного мира и выражается с помощью характерных культурных мифологем: «ласточка», мотив прядения и образ вращающегося колеса Пенелопы, контрастное столкновение образов «золотого солнца» / «золотого руна» и «чёрной дыры» / «чёрного солнца»: «...Лёгкая ласточка, крепче держи / Солнца тяжёлые нити. / Это руно, золотое руно, – / Весточка мне из Итаки, / Где Пенелопа всё ткёт полотно, / Парус провидя во мраке. / Мне ли талдычить о чёрной дыре? / Ласточка всё залатает. / Словно по крови, по алой заре / Нитка бежит золотая» [Там же, с. 265–266]. Память художника о культурном опыте прошлых веков задаёт масштаб вечности, в которой наблюдается слитность разных эпох в едином творческом настоящем.

Подобная слитность и взаимопроникновение разновременных моментов культуры в «сладостном миге» настоящего сближает художественный мир И. Лиснянской с *музыкальным искусством*, в котором «слито всё в своей нерасчленимой бытийственной сущности», данной как «длительно-изменчивое настоящее» [10, с. 421, 422]. Музыкальное бытие в наибольшей степени соответствует принципам культурно-исторического хронотопа, основанного на активной деятельности творческого сознания художника, пытающегося раздвинуть тесные границы пространства и времени. Как утверждает А.Ф. Лосев, «из всех искусств и мироощущений музыка наиболее ярко выражает сущность внутренней и сокровенной жизни человека», является «единственным источником познания глубин бытия», «интимнейшим и наиболее адекватным выражением стихии душевной жизни» [10, с. 305, 452]. В стихах И. Лиснянской можно выделить целый ряд музыкальных мотивов и образов, связанных с идеей «культурной синхронии». Живая энергия вневременного музыкального бытия сообщается искусству поэзии, мифологическим прообразом которой становится образ пастуха, играющего на свирели. «Есть вечность у минуточки, / У вечности – привал. / На самой первой дудочке / Пел рыжий Иувал... / И песня серебро-медная / Над золотом песка / Ко мне шла очень медленно / Сквозь быстрые века / Под облач-

ными пеплами / Сияла и плыла – / Ещё молитвы не было, / А дудочка была» [8, с. 269]. В творчестве И. Лиснянской этот мотив разработан более подробно в зрелой лирике. При этом образы «дудочки», «свирели пастуха» как традиционные мифологемы, связанные с темой поэтического творчества, семантически сближаются у неё с мотивом божественного пения *Орфея*, а также с образом священной *Гармонии*. К образу древнегреческого музыканта и певца Орфея Лиснянская впервые обращается в стихотворении 1993 года, посвящённом А. Тарковскому. Система пространственно-временных отношений в стихотворении ориентирована на идею «культурной синхронии», которая обусловлена музыкальным мировосприятием и вместе с тем непосредственно перекликается со взглядами самого А. Тарковского на природу времени: «Вгоняют в одурь тихую / Небесные басы, / А на запястье тикают / Тарковского часы. / Хотя и покалеченный / Бесславьем и войной, / Он жил, блаженно меченный / Серебряной струной...» [Там же, с. 285].

Лейтмотивом стихотворения является образ часов, с которым связана реальная история, рассказанная И. Лиснянской в книге воспоминаний о А. Тарковском (Глава «Часы» в биографической повести «Отдельный»). «Что же до его наручных часов, то с ними связана такая история. Арсений Александрович подарил их мне в 1975 году на день рождения. Наши дни рождения рядом: у меня – 24-го, а у него – 25 июня. Мы поехали в какой-то загородный магазинчик, и он купил часы мне и точно такие же – себе. Свои на другой же день Арсений Александрович потерял в Переделкине, играя в шахматы с одним писателем». Часы, подаренные А. Тарковским, стали своеобразным духовным завещанием для И. Лиснянской: «Каждый год 25 июня, – пишет автор, – я приношу на его могилу цветы и говорю те же слова: «Здравствуйте, дорогой Арсений Александрович! Мои “часы” барахлят, но я всё живу и живу; а ваши – привычным жестом переворачиваю руку и прижимаю золотистые часы к земле – идут исправно» [9, с. 134]. В лирическом пространстве стихотворения этот образ символизируют то единое Время Культуры, по «часам» которого живут поэты разных эпох. Творческий опыт А. Тарковского в осмыслении культурно-исторического времени и пространства оказался близок И. Лиснянской. В особенности – такая черта его поэтического мира, как сопряжённость в едином пространстве мировой культуры различных эпох. «Мнемозина – искусство искусств, божественная первооснова, – считает поэт. – Она одаривает бессмертием и обрекает на забвение, соединяет миг и бесконечность, продлевает жизнь» [16, с. 518]. Лирический герой поэзии А. Тарковского воспринимает настоящее сквозь культурную память о минувших эпохах, которые оказываются в его сознании столь открыты друг другу, что поэт включается в диалог сквозь века с теми, кого считает своей «кровной роднёй» – «от Алигьери до Скиапарелли». Лирический герой А. Тарковского слышит в себе голоса Анжело Секки, Пушкина, Ван Гога, Комистаса, Мандельштама... Поэт чувствует себя наследником и продолжателем традиций «века серебряного» («блаженно меченный серебряной струной») с его «тоской по мировой культуре» (О. Мандельштам): «Я по каменной книге учу вневременный язык ...» [11, Т. 1, с. 287]. По его глубокому убеждению, «культура даёт человеку понимание не только своего места в современности, но устанавливает ещё тесную связь между самыми разными эпохами». «У меня есть стихотворение, где я говорю, что мог бы оказаться в любой эпохе в любом месте мира, стоит мне только захотеть. Путём понимания» [Там же, Т. 2, с. 241].

Поэт становится живым свидетелем и участником мировой культуры, соотносит собственную биографию с творческим и личностным опытом своих великих предшественников, испытывая при этом готовность разделить с ними их трагическую участь. «Понимание», о котором говорит в своём стихотворении А. Тарковский, своеобразным образом сближается со словами М.М. Бахтина о «творческом понимании», которое «не отказывается от себя, от своего места во времени, от своей культуры и ничего не забывает. Великое дело для понимания – это внаходимость понимающего – во времени, в пространстве, в культуре – по отношению к тому, что он хочет творчески понять» [1, с. 507].

Вслед за героем А. Тарковского И. Лиснянская стремится разомкнуть узкие границы своей эпохи, «выйти во времена иные». Героиня её лирики «влюблено вглядывается в разные эпохи» и пытается творчески совместить их в едином миге бытия:

И ходит век серебряный
По кругу своему,
И с ёлки равнобедренной
Стекает дождь во тьму,
Во тьму земли, где маятся
Обызвествлённый сон, –
И в сердце просыпаются
Орфеи всех времён.
Живу во время дикое,
Забывшее азы,
Но вот живу, и тикают
Тарковского часы [8, с. 345].

Художественное время – *præsens* – осуществляет в стихотворении функцию «культурной синхронизации» разрозненных временных пластов в миге настоящего. Лирический субъект воспринимает реальность как единое и целостное бытие, в котором сняты любые «скрепы» пространства и времени, творится живая творческая Вечность. Таким образом, эмпирическое пространство-время в сознании лирического субъекта преобразуется в *музыкальное*. Ведь именно музыка способна «собирать разбитые и разбросанные куски бытия воедино, преодолевая тоску пространственного распятия бытия, воссоединять пространственные и вообще взаимно-отдельные сущности с единством и цельностью их бытия» [10, с. 451]. Знаменательно, что с темой музыки прочно связана у И. Лиснянской образная мифологема *сердца* («И в сердце просыпаются / Орфеи всех времён»), которая нередко отождествляется автором с понятием времени. По словам поэтессы, в беседах с А. Тарковским они нередко употребляли слово «часы» как синоним «сердца» [9, с. 133]. Мифологема *сердца* вновь возвращает нас к вопросу о глубоко личностной, субъективной сущности музыкального сознания, которая и обеспечивает всеобщую слитность и взаимопроникнутость разнородных частей и моментов. Символом музыкального всеединства бытия, бессмертия поэтического искусства становится для И. Лиснянской древнегреческий Орфей, усмиряющий стихийную силу истории священной Гармонией Слова и Музыки. Характерно, что этот мифологический персонаж становится для автора обобщенным символом трагической судьбы поэта. Не случайно мифологический сюжет о растерзании Орфея вакханками Диониса своеобразно коррелирует в стихах И. Лиснянской с религиозно-философской традицией, с элементами библейской образности (например, в развитии образа сердца как вместилища вселенских бед и страданий, мотива разорванного сердца, а также в слиянии образов-символов *сердца* и *розы*).

Философско-художественная категория *Гармонии* является структурной доминантой культурно-исторического хронотопа в творчестве И. Лиснянской, реализует вертикальную модель мироздания в свете христианского понимания Времени и Вечности. Целостный анализ пространственно-временных отношений в поэзии И. Лиснянской убеждает в том, что *горизонталь* истории пересекается у неё с *вертикалью* метафизического времени, образуя единый музыкальный поток, в котором соединены разные пространственно-временные планы. Их слитность символизирует вечное бытие Духа, в котором «нет различения между будущим и прошлым, концом и началом. В нём происходит вечное свершение мистерии духа» [2, с. 451]. Условное деление времени по Вертикали и Горизонтали напоминает о соотношении двух понятий – *Мелоса* в ранней античности и *Гармонии* в христианском мире, о сущности которых писал О. Мандельштамом в статье «Скрябин и христианство» (1915). «Гармония и мелодия в новой музыке... и в теории подчас описываются с помощью условно-образных понятий, связанных с применением к музыке пространственных противопоставлений – соответственно вертикали и горизонтали. Горизонталь – мелодическая линия – совпадает с вектором времени, гармоническая составляющая развёртывается относительно мелодической линии, образуя как бы объём её, изучаемый на вертикали... В них Мандельштам нашёл полную и плодотворную аналогию христианскому пониманию времени и вечности: время в христианском вероучении имеет начало и конец, а вечность

в нём – сверхвременное понятие, атрибут Бога и содержит в себе настоящее, прошедшее и будущее, и мысль Мандельштама о пространственном соотношении времени и вечности как горизонтали и вертикали в теории музыки основывается на том, что вечность существует в каждый данный момент времени» [12, с. 77]. «Христианское искусство, – утверждает поэт, – всегда действие, основанное на великой идее искупления. Это бесконечно разнообразное в своих проявлениях «подражание Христу», вечное возвращение к единственному творческому акту, положившему начало нашей исторической эре. <...> Метафизическая сущность Гармонии теснейшим образом связана с христианским пониманием времени. Гармония – кристаллизовавшаяся вечность, она вся в поперечном разрезе времени, который знает только христианство» [11, Т. 2, с. 158, 161].

В творчестве И. Лиснянской вертикальная структура мироздания, заданная категорией Гармонии, и связанный с ней комплекс религиозно-философских идей отражают глубинное понимание поэтом метафизической сущности истории. Пространственно-временная организация целого ряда стихотворений поэта соотносится с вертикальной линией Гармонии, которая, основываясь на принципе музыкального всеединства, может стягивать в точке настоящего различные эпохи, образуя «слитность внеположностей, разбитых и разъединённых в физическом пространственно-временном плане» [10, с. 450]. Историческое у И. Лиснянской воспринимается в метафизической плоскости, поэтому библейские события осмысливаются как вечно творимое настоящее, которое свершается в каждый новый момент истории. Христианская философия истории становится для поэта тем *Центром*, в котором «метафизическое и историческое соединены» (А.Н. Бердяев). Метафизический взгляд на историю позволяет восстановить цельность разорванного времени, таящего в себе смертоносное начало. «В дурном времени происходит разрыв между метафизическим и историческим, в то время как метафизическое возникновение истории должно установить связь между тем и другим» [3, с. 59].

Подводя итоги, отметим, что историческая модель художественного пространства отличается в поэзии Инны Лиснянской целостностью и единством, его символическим воплощением становятся сферическая форма (реализация «циклической модели» на разных художественных уровнях), а также вертикальная структура бытия, соотносимая с философско-художественной категорией Гармонии как прообразом Вечности. Личная память художника, включённая в исторический контекст эпохи, проецируется на мировой культурный опыт человечества.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров; 2-е изд. М.: Искусство, 1986.
2. Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство Кесаря / сост. и посл. П.В. Алексеева, подгот. текста и примеч. Р.К. Медведевой. М.: Республика, 1995. (Мыслители XX века).
3. Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990.
4. Гаспаров М.Л. О русской поэзии: анализы, интерпретации, характеристики. СПб.: Азбука, 2001.
5. Есин А.Б. Время и пространство // Введение в литературоведение / под ред. Л.В. Чернец. М.: Высшая школа, 2000.
6. Исупов К.Г. Историзм Блока и символическая мифология истории (введение в проблему) // Александр Блок. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1991. С. 3–22.
7. Левин Ю.И., Сегал Д.М., Тименчик Р.Д. [и др.]. Русская семантическая культурная парадигма // Russian Literature (Hague). 1974. № 7-8. Р. 49–50.
8. Лиснянская И. Одинокий дар: стихи; поэмы. М.: ОГИ, 2003.
9. Лиснянская И. Отдельный (воспоминательная повесть) // Знамя. 2005. № 1. С. 84–135.
10. Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение; сост. А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1995.
11. Мандельштам О.Э. Сочинения: в 2 т. / сост. С. Аверинцев, П.М. Нерлер, С.С. Аверинцев. М.: Худож. лит., 1990.
12. Мандельштам О. Скрыбин и христианство / О. Мандельштам; вступ. ст. А.Г. Меца, примеч. А.Г. Меца, С.В. Василенко, Ю.Л. Фрейдина, В.А. Никитина // Русская литература. 1991. № 1. С. 64–78.
13. Панова Л.Г. «Мир», «пространство» и «время» в поэзии Осипа Мандельштама. М.: Языки славянской культуры, 2003.
14. Седых О.М. Философия времени в творчестве О.Э. Мандельштама // Вопросы философии. 2001. № 5. С. 103–131.
15. Тарковский А. Собрание сочинений: в 3-х т. / сост. Т.О. Озёрская-Тарковская; примеч. А. Лаврин. М.: Худож. лит., 1991.
16. Тарковский А. «...И это мне ещё когда-нибудь присниться» // Стихотворения. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. С. 510–523.

УДК 811.134.4

Н.В. ТИТАРЕНКО

(Волгоград)

**СПЕЦИФИКА ПРИМЕНЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИЙ В ГРАММАТИКЕ ПРИ ПЕРЕВОДЕ
КИНОТЕКСТА С ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ
(на примере фильма П. Альмодовара «Джульетта»)**

Рассматриваются некоторые случаи переводческих грамматических трансформаций на примере кинотекста. Представлен анализ и разбор специфики отдельных видов замен, добавлений и опущений при переводе реплик художественного фильма с испанского языка на русский. Приведены статистические данные, позволяющие сделать конкретные выводы об особенностях использования переводческих трансформаций в кинотексте.

Ключевые слова: перевод, кинотекст, аудиовизуальный перевод, переводческие трансформации, грамматические трансформации.

NATALIA TITARENKO

(Volgograd)

**THE PECULIARITIES OF GRAMMATICAL TRANSFORMATIONS IN TRANSLATING
THE CINEMATOGRAPHIC TEXT FROM SPANISH INTO RUSSIAN
(based on the film “Juliet” by P. Almodovar)**

The article considers some cases of the translation of the grammatical transformations at the example of the cinematographic text. The article presents the analysis of the specifics of certain types of substitutions, additions and omissions when translating the replicas of the film from Spanish into Russian. The statistical data are provided that allow to draw the specific conclusions about the features of using the translation transformations in the cinematographic text.

Key words: translation, cinematographic text, audio-visual translation, translation transformations, grammatical transformations.

Язык кино пробуждает интерес лингвистов в разнообразных областях, поскольку неоспорим тот факт, что этот особый вид искусства обладает своими собственными характерологическими признаками и специфическими чертами. Ученые-филологи выделили терминологически такое понятие, как «кинодискурс». Кинодискурс представляет собой «совокупность вербального и невербального компонентов кинопроизведения, а также факторов, влияющих на его создание и восприятие, образующих единое смысловое, структурное и функциональное целое» [1, с. 96]. Каждое конкретное произведение кино обладает своим дискурсом, тем набором элементов, которые использует создатель при передаче идеи и замысла, который он хочет донести до зрителей.

Перевод того или иного кинопроизведения на иностранный язык несомненно является сложной задачей, поскольку кинотекст, помимо визуального восприятия, обязательно содержит аудиоряд. На современном этапе переводы кинотекстов принято называть аудиовизуальными, принимая во внимание разноструктурность и сложность объекта перевода.

Г.Г. Слышкин и М.А. Ефремова отмечают, что кинотекст представлен двумя семиотическими системами – лингвистической и нелингвистической [4]. Первичность текста для аудиовизуального переводчика не вызывает сомнения, не смотря на то, что иногда именно экстралингвистические факторы определяют выбор того или иного языкового средства.

Всякий перевод (аудиовизуальный в том числе) осуществляется главным образом путем поиска и подбора соответствий языковых единиц исходного языка в языке перевода. Я.И. Рецкер выделяет три категории соответствий: эквиваленты, установившиеся в силу тождества обозначаемого, а также отложившиеся в традиции языковых контактов (к таким соответствиям относят главным образом не-

которые географические названия, антропонимы, термины любых отраслей знания); вариантные (используются в том случае, если в языке перевода существует несколько вариантов передачи значения исходного слова) и контекстуальные (узуальные и окказиональные) соответствия; все виды переводческих трансформаций [3].

При переводе с одного языка на другой исходный текст становится объектом всевозможных типов преобразований, которые и получили название переводческих трансформаций.

В.Н. Комиссаров полагал, что переводческие трансформации могут быть в чистом виде лексическими или грамматическими, однако большинство переводческих трансформаций носят комплексный характер: лексические трансформации тесно связаны с грамматическими и наоборот [2].

Таким образом, переводческие трансформации являются методом достижения семантико-структурной тождественности, не лишая текст перевода коммуникативно-функциональных свойств подлинника.

Каузативная перифраза “*hacer + infinitive*”, в которой инфинитив обозначает действие, относящееся не к подлежащему предложения, а к его дополнению, явление довольно распространенное в испанском языке.

Например: исп. *No, no me gusta comprarme libros que ya tengo, me hace sentirme mayor.* – рус. *Не люблю покупать книги, которые уже есть, чувствую от этого себя старше.*

В данном предложении действие, обозначаемое глаголом “*sentir*”, относится к дополнению глагола “*hacer*”. При переводе таких перифраз на русский можно использовать сочетания инфинитива с глаголом «заставлять», но переводчик удачно выбрал использование простого глагола каузативного значения.

Обращая внимание на следующий контекст с глаголом “*sonar*”, который стоит в форме Pretérito Perfecto de Indicativo (“*hemos soñado*”), что считается прошедшим, но, как правило, обозначает завершённое действие, результаты которого имеют отношение к настоящему времени. Например: исп. *Algo con lo que todos hemos soñado.* – рус. *О чем мы все мечтаем.* На русском языке переводчик передал это значение близости к настоящему использованием формы настоящего времени 1-го лица множественного числа соответственно.

Например: исп. *Por favor, sube al tren. Vamos...* – рус. *Вернемся в поезд.*

В данном контексте глагол “*subir*” (подниматься) стоит в повелительном наклонении (Imperativo) форма второго лица единственного числа, которое выражает убедительную просьбу. В испанском предложении глагол “*ir*” (идти) в форме 1-го лица (*vamos*) дает понять, что оба героя поднимаются в поезд, поэтому по-русски переводчик выбирает форму глагола в повелительном наклонении, но уже в первом лице множественного числа.

Лексические замены – это интересный процесс подбора единицы языка (не всегда именно слова, это может быть и фразеологизм и некоторая сверхсловная единица) к такой, эквивалента которой не существует в системе принимающего языка.

В случае с испанским и русским языками, которые активно используют флексивные морфемы для разграничения той или иной грамматической категории, лексическая трансформация нуждается и притягивает грамматическую, поскольку часто не само слово с его семантической нагрузкой, а именно определенная форма отражает тот самый смысл, который считывается в данной коммуникативной ситуации.

Например: исп. *Vengo para entregar mi alma a Dios.* – рус. *От усталости сейчас богу душу отдам.*

При переводе подобран валидный эквивалент с целью повышения эквивалентности перевода. Глагол “*entregar*” – «вручить» заменяется на глагол «отдать», т. к. в русском языке существует выражение «отдать богу душу».

Например: исп. *¡Cuánto tiempo!* – рус. *Сколько лет сколько зим!*

Дословно переводится как «сколько времени», а при переводе на русский язык для достижения эквивалентности перевода логичнее использовать фразеологизм «Сколько лет, сколько зим!», который употребляется как приветствие при встрече давно не видевшихся друг с другом людей.

Человеку свойственно испытывать неудобство, когда он вынужден прервать разговор. Однако, согласно русскому менталитету, в данных ситуациях извиняться не нужно, выразить сожаление было бы актуальнее. Таким образом, испанскому “*perdón*” в следующем контексте переводчик находит адекватную замену «к сожалению».

Например: исп. *Perdón, tengo que salir.* – рус. *К сожалению, мне нужно идти.*

Перестановки являются одним из наиболее частотных видов грамматических трансформаций, поскольку они заключаются в изменении линейного порядка построения высказывания (изменение может касаться как членов предложения, так и расположения предикативных частей сложного предложения).

Рассматривая трансформации-перестановки на грамматическом уровне, следует отметить тот факт, что в испанском языке порядок слов не является жестко фиксированным, однако все же есть предпочтительные позиции для тех или иных членов предложения, и именно с этим связана частотность их применения.

Например: рус. *Остановка – десять минут!* – исп. *¡Diez minutos de parada!*

Будучи аналитическим, испанский язык изобилует всякого рода перифрастическими конструкциями, особенностью которых является возможность передачи смысла грамматически. Такое соответствие в языке русском будет найдено только за счет добавления во фразу лексических элементов, что и составляет особый вид трансформации.

Например: исп. *Piensa que sigo viviendo en Madrid.* – рус. *Думает, что я до сих пор живу в Мадриде.*

В испанском языке конструкция “*seguir + gerundio*” обозначает действие, которое началось когда-то и продолжает длиться, т. е. в самой конструкции содержится значение того действия, которое выражает герундий. В русском языке эта конструкция выражается с помощью наречия, к примеру, в данном случае «до сих пор».

Например: исп. *Las tres palabras significan «mar» en griego.* – рус. *Все три слова по-гречески означают: «море».*

В русском предложении переводчиком добавляется слово «все», потому что перед числительным в испанском предложении стоит определенный артикль, который и передает это значение.

Структурно-типологические несоответствия между предложениями исходного и языка перевода обуславливают такой вид грамматической трансформации, как членение предложения, что находит свое выражение в изменении его синтаксической структуры.

Например: исп. *Quería hablar, pero a mí me molestaba cómo me miraba, por eso huí de aquí.* – рус. *Хотела поговорить, но меня раздражал его взгляд. И я ушла.*

В испанском предложении мы четко видим, что она ушла, потому что его взгляд раздражал. Переводчик посчитал, что в русском варианте логичнее подчеркнуть этот факт, разделив предложение.

Опущения – по сути своей представляют прямую противоположность добавлениям, что отражается в неиспользовании в процессе перевода семантически избыточных единиц.

Испанские тексты часто характеризуются повышенной по сравнению с текстами на русском языке эксплицитностью. Именно этим обстоятельством объясняется опущение (компрессия) части эксплицитной информации испанского текста при его переводе на русский язык.

Например: исп. *Me gustaría verte aparecer entre la lluvia...* – рус. *Я бы хотел, чтоб ты появилась из дождя...*

При переводе на русский язык фраз со структурой *acusativo con infinitivo* переводчик сталкивается с необходимостью использования сложноподчинительных синтаксических связей в предложении, а в испанском языке данное предложение является простым.

Названные основные типы переводческих трансформаций в чистом виде встречаются крайне редко, они обычно сочетаются друг с другом (перестановка сопровождается заменой, грамматическое преобразование – лексическим и т. д.).

Например: исп. *Era una noche muy despacible y hacia mucho viento.* – рус. *Ночь была беспокойна и ветрена.*

В испанском предложении слово “mucho” может переводиться как «очень» или «много», т. е. функция усиления, дословный перевод “*hacia mucho viento*” выглядит так: «было очень ветрено». Однако переводчик допускает эллипсис наречия «очень». Здесь же наблюдается изменение сложной структуры предложения. В испанском предложении два сказуемых «*era*», первое из которых относится к подлежащему “*noche*” (ночь) и второе сказуемое безличного предложения “*hacia*” (было), т. е. в нем говорится, что ночь была беспокойна и было очень ветрено. Однако уже в русском предложении структура предложения меняется, автор делает его простым, одно подлежащее «ночь» и два однородных сказуемых «беспокойна и ветрена», что полностью соответствует грамматическому построению предложения на русском языке и не теряет при этом заложенного смысла.

Подводя некоторые итоги, следует отметить, что использование грамматических трансформаций при переводе неизбежно в силу разноструктурности языков, прежде всего. Статистические результаты анализа показывают, что самым распространённым видом трансформации в кинотексте, переведённом с испанского языка на русский является приём лексической замены (22,24%), за ним следует приём опущение (21,23%), затем добавление (13,14%), замена форм слов (11,12%), смешанные трансформации (8,9%), синтаксическая замена (5,6%), замена членов предложения (3,3%), опущение (3,3%), и, наконец, объединение предложений (2,2%), перестановка (2,2%).

Владение инструментарием переводческих трансформаций позволяет переводчику экономить время и сосредоточиться на решении нестандартных задач. Безусловно, пользуясь лишь переводческими трансформациями, успешно переводить невозможно, поскольку всякий перевод требует от переводчика творческого подхода и конкретных переводческих решений.

Литература

1. Зайченко С.С. К вопросу о знаковой неоднородности кинодискурса // Вестник Челябин. гос. ун-та. 2013. № 2(293). С. 96–99.
2. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002.
3. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Р. Валент, 2010.
4. Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004.